

The poster features a woman with long blonde hair and a red mark on her cheek, holding a black camera. A ghostly, semi-transparent image of her face is visible in the upper left background. The setting is a street in a tropical or Latin American town, with a large church and palm trees. At the bottom, a silhouette of the woman is seen walking away down the street. The title is written in large, bold, distressed letters.

ВЫЖИТЬ ЗА ДВОИХ

ЦЕНА СВОБОДЫ

18+

Марина Ремер

Выжить за двоих

«Автор»

2026

Ремер М.

Выжить за двоих / М. Ремер — «Автор», 2026

Ирина — успешный логист, мать-одиночка, привыкшая держать жизнь под контролем: работа, расписание, никаких лишних чувств. Ксения — её шестнадцатилетняя дочь, давно смирившаяся с тем, что мать существует где-то рядом, но не вместе с ней. Между ними — годы вежливого молчания. Отпуск в Турции должен был стать попыткой снова стать семьёй. Морская прогулка на катере, обещанная как беззаботный день у моря, оборачивается кошмаром: женщин похищают прямо посреди Средиземного моря и бросают в трюм чужого судна — как товар. То, что начинается как история о спасении, превращается в путь через плен, потерю и невозможный выбор между тем, чтобы выжить одной, и тем, чтобы выжить — за двоих. Это роман о том, как близость иногда рождается не из уюта, а из общей беды, и о цене, которую платят за право снова сказать друг другу «я здесь».

© Ремер М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Между нами — тишина	6
Глава вторая	10
— КСЕНИЯ	10
Глава третья	15
Отдых	15
Глава четвертая	17
Селим	17
Глава пятая	19
Катер	19
Глава шестая	21
Трюм	21
Глава седьмая	23
ДРУГИЕ	23
Глава восьмая	25
Мексика	25
Глава девятая	27
Цена	27
Глава десятая	29
Ирина После	29
Глава одиннадцатая	31
То ,что между нами	31
Глава двенадцатая	35
Пропущенный звонок	35
Глава тринадцатая	39
Товар	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Марина Ремер

Выжить за двоих

КНИГА. Выжить за двоих.

Глава 1

Между нами — тишина

ИРИНА

Будильник звонил в шесть тридцать.

Ирина всегда просыпалась за минуту до него. Лежала в темноте, смотрела в серый, пред-
рассветный потолок и ждала. Это была странная, почти мистическая привычка, которую она
сама себе не могла объяснить. Как будто хотела встретить день первой, опередить его на эти
шестьдесят секунд, чтобы успеть перехватить инициативу. Как будто если успеть — то можно
как-то повлиять на то, каким он будет.

Но он всегда был одинаковым.

Шесть тридцать — будильник. Шесть тридцать пять — душ, где вода сначала обжигает,
а потом становится привычно-тёплой, смывая остатки сна, в которых она всё ещё была моло-
дой и беззаботной. Семь ноль-ноль — кофе. Не растворимый, а настоящий, из кофемашины,
которую она купила три года назад в приступе странного оптимизма и до сих пор не научилась
настраивать под себя — просто нажимала кнопку «Эспрессо» и пила горькую, обжигающую
жидкость, стоя у окна и глядя во двор-колодец.

Жизнь, выстроенная по расписанию. Надёжная. Предсказуемая. Пустая — но это слово
она себе не разрешала даже мысленно произносить.

Офис находился на Петроградской стороне, в старом доме с высокими потолками и скри-
пучими полами. Компания занималась логистикой — крупные контракты, большие клиенты,
таблицы в Excel, которые упорно не сходились, и люди, которые не выполняли обещаний.
Ирина умела с этим работать. Она была профессионалом: умела говорить жёстко и улыбаться
при этом, умела находить решения там, где другие видели только тупик. Начальник называл
её незаменимой — и платил ровно столько, чтобы она оставалась, но не столько, чтобы у неё
не было причин стараться.

Она старалась.

Не потому что любила эту работу. Потому что не умела иначе.

В половине восьмого она проходила мимо комнаты Ксении — всегда закрытой, всегда
тихой в это время. Дочь спала. Ирина никогда не заходила — говорила себе: «Боюсь разбу-
дить». На самом деле боялась другого: зайти и не знать, что сказать. Стоять посреди комнаты
с чужим подростком, который когда-то был маленькой девочкой с косичками и пах детским
шампунем, и молчать. Молчание между ними стало их общим языком.

Лучше пусть спит.

Ключи от квартиры звякнули в сумке — привычный звук. Дверь закрылась с мягким
щелчком замка. В лифте Ирина посмотрела на своё отражение в металлической панели — раз-
мытое, нечёткое. Сорок лет почти. Хороша собой — это говорили все: коллеги на корпоративах
(она всегда уходила раньше всех), мужчины в барах (до Антона), даже охранник в бизнес-цен-
тре иногда улыбался чуть шире обычного. Но зеркало показывало правду: усталость вокруг
глаз, которую не убирал никакой крем (даже тот корейский чудо-бальзам за пять тысяч), и
складку у рта, которая появилась не от смеха.

Она шла быстро, как всегда. Ветер с Невы пробирал до костей даже летом. Ирина кута-
лась в шарф и думала о звонке в девять утра (клиент из Москвы), о встрече в одиннадцать
(новый подрядчик) и о том, что нужно переделать смету до конца недели.

Не думала о Ксении.

Это было не жестокостью. Это было привычкой — раскладывать жизнь по отсекам и плотно закрывать крышку. Работа — здесь. Дочь — там. Личное — в самом дальнем углу, куда она не заглядывала уже давно.

Там жил Андрей.

Они развелись десять лет назад — спокойно, почти дружески. Без скандалов и битья посуды. Просто однажды поняли: ссоры — это ещё жизнь. А равнодушие — это уже конец. Ксения тогда была совсем маленькой — семь лет. Она не плакала на разводе — сидела на кухне с телефоном и делала вид, что не слышит приглушённых голосов родителей за стеной. Ирина тогда подумала: «Хорошо, что не плачет». Сейчас понимала: это было совсем не хорошо.

Андрей был неплохим человеком, просто чужим. Они стали чужими раньше, чем оба это признали — года за три до развода.

После него был Дмитрий — год отношений: шумно (рестораны на крыше), красиво (букеты из ста роз) и больно (финальный разговор на скамейке у Петропавловской крепости). Потом Антон — полгода: тихо (ужины дома перед сериалом) и скучно (облегчение расставания). Потом никого — и это тоже стало привычкой.

Она шла по Петроградской стороне мимо серых фасадов и думала о смете.

Не думала о том, что Ксении через год поступать в университет (и нужно будет выбирать репетиторов). Не думала о том, что последний раз они нормально разговаривали (то есть не об уроках и не о деньгах) бог знает когда (кажется, перед Новым годом). Не думала о том, что иногда, в редкие минуты сбоя расписания (когда она оказывалась дома днём из-за простуды или отмены встречи), она слышала из-за двери дочери смех по телефону с кем-то совсем незнакомым (Паша? Егор? Какая разница). Не тот смех, который она знала с детства.

Дочь росла без неё.

Ирина знала это.

Просто не знала, что с этим делать.

* * *

Она поставила чашку на край раковины и посмотрела в окно. За стеклом июньский Петербург шурился на неожиданное солнце — редкий подарок для этого города-меланхолика, который словно предпочитал жить под серым одеялом облаков. Липы во дворе стояли неподвижно, как на старой фотографии: красиво и совершенно одиноко. Она вдруг вспомнила картину из своего детства: дача под Лугой, запах мокрой травы после дождя и мама... Мама давно умерла. Память о ней была такой же тихой и неподвижной, как эти липы за окном.

— Ксюш? Ты завтракала? — крикнула она в сторону коридора.

Ответом была тишина. Потом — хлопок двери ванной.

Ирина вздохнула и долила себе кофе из кофейника (тот был почти пуст). Она умела читать тишину своей дочери: эта была не «я не слышала», эта была «я слышала, но не хочу разговаривать». Семнадцать лет — возраст аккуратного игнорирования.

Она открыла холодильник: йогурт на верхней полке выглядел так же одиноко, как липовые деревья за окном. Поставила его на стол рядом с ложкой. Маленький жест заботы, который Ксения наверняка проигнорирует или просто не заметит.

Дочь появилась на кухне через пятнадцать минут — уже собранная для выхода: рюкзак на одном плече (слишком тяжёлый для её хрупкой фигуры), волосы убраны в небрежный хвост резинкой с блёстками (где она её взяла? В «ТикТоке»?). Она была похожа на Ирину в молодости: те же скулы (острые сейчас у обеих), тот же чуть упрямый изгиб губ (у Ксении он проявлялся только когда она молчала). Только взгляд другой — более закрытый, как будто за ним стояли ворота с замком от старого амбарного замка.

— Йогурт на столе.

— Я не голодна.

— Ты вчера тоже не ужинала.

Ксения взяла телефон с подзарядки (он был приклеен к столу скотчем сбоку от розетки), провела пальцем по экрану так быстро и привычно, что движение казалось автоматическим.

— Мам, я не маленькая.

— Я знаю.

Пауза повисла между ними как туман над Невой утром: густая, непроглядная и привычная до тошноты. Ирина смотрела на дочь и думала: когда это случилось? Когда именно девочка превратилась в этого аккуратного вежливого человека? В семь лет Ксения залезла к ней в кровать после страшных снов и пахла теплом и детским шампунем «Маленькая фея». Сейчас от неё пахло духами из масс-маркета («Zara», кажется) и подростковым протестом.

Она знала ответ на свой вопрос: это случилось постепенно. По капле времени каждый день она заменяла себя работой или Антоном или просто усталостью от жизни в большом городе («Северная столица», блин).

— Сегодня удержишься? — спросила Ксения нейтральным тоном администратора отеля при заселении постояльца-випа. Не «ты придёшь домой пораньше?», а именно «удержишься?» — как будто уточняла расписание автобуса №100 до Озерков.

Ирина почувствовала что-то похожее на укол прямо под ребро слева. Не боль даже — просто острое напоминание о том месте внутри неё, которое давно онемело от одиночества.

— Нет. Сегодня нет. Обещаю.

Дочь кивнула. Ни радости («ура»), ни недоверия («опять обманешь»), ни даже простого человеческого интереса («а куда пойдёшь?»). Просто кивок механика-робота: информация принята к сведению.

— Ладно. Пока.

Хлопнула входная дверь квартиры №47 по улице Ленина (или как там называлась эта улица сейчас? Ирина никогда толком не помнила).

Ирина осталась стоять посреди кухни с наполовину пустой чашкой кофе в руках и слушать тишину квартиры №47 по улице Ленина (или как там...). Йогурт остался нетронутым на столе рядом с ложкой.

Утром следующего дня Ирина зашла в комнату дочери до того, как та успела уйти из дома, уйти, закрыться, уйти, спрятаться.

Ксения сидела на кровати, закутавшись в плед, который они купили вместе три года назад зимой, когда были скидки («Мам, ну зачем нам плед летом?» — «Зимой пригодится», — вспомнила Ирина), хотя за окном было лето, июнь, жара уже стояла такая, что асфальт плавился. Но дочь куталась в этот плед, словно ей было холодно, словно внутри неё жила вечная мерзлота, которую ничем нельзя было растопить.

При появлении матери Ксения подняла взгляд. Без раздражения, но и без тепла. Просто посмотрела. Оценивающе. Так смотрят люди, которые привыкли ждать подвоха.

— Ты уже встала? — Ксения чуть приподняла бровь. Вопросительно, но без удивления. Просто констатируя факт.

— Я хотела поговорить... — Ирина присела на край кровати. Очень осторожно, стараясь не делать резких движений, словно боялась спугнуть дикого зверя, сидящего рядом. Ксения не отодвинулась, но и не подвинулась навстречу. Осталась неподвижной статуей, завёрнутой в плед. — Я купила нам путёвку... На две недели... В Турцию...

Молчание повисло между ними. Тяжёлое. Густое. Как кисель.

— Нам двоим... — добавила Ирина поспешно, как будто это требовало уточнения. Хотя было очевидно, что путёвка куплена именно для двоих: матери и дочери. Иначе зачем бы она стояла здесь сейчас? Так нервничая. Сжимая руки, лежащие на коленях так сильно, что костяшки пальцев побелели.

Ксения смотрела на неё. Долго. Несколько секунд, которые показались Ирине вечностью. Потом что-то дрогнуло. Изменилось. Мелькнуло быстро, почти незаметно во взгляде дочери.

Словно тень облака пробежала по солнцу. Потом снова стало ровным, непроницаемым, спокойным.

— Когда? — спросила она.

— Через три недели... Я возьму отпуск...

— А работа?

— Ксюш... — Ирина сказала это тише, чем хотела. Голос предательски дрогнул, сорвался вниз ноткой отчаяния, которую она тут же попыталась скрыть кашлем. Но было поздно. Дочь услышала всё. Поняла всё. Почувствовала... Она подошла ближе к самому краю пропасти между ними... — Я хочу побыть с тобой... Просто... Без всего остального...

Пауза была длинной. Такой длинной, что Ирина успела рассмотреть трещину на потолке над кроватью дочери; рассмотреть узор обоев; рассмотреть свои собственные руки, лежащие безвольно плетями вдоль тела; рассмотреть каждую пылинку, танцующую в луче солнца, пробивающегося сквозь неплотно задёрнутые шторы... Она смотрела только на руки дочери: тонкие пальцы, длинные ногти, покрытые чёрным лаком; тот же жест, что у неё самой — большой палец трёт костяшку указательного, когда человек думает, нервничает, сомневается...

— Хорошо... — сказала Ксения наконец.

Не «ура» («Мам, спасибо, я так рада!»). Не «наконец-то» («Я ждала этого всю жизнь!»). Просто «хорошо». Ровным тоном делового соглашения.

Но Ирина уцепилась за это слово. Как за леску, брошенную тонущему рыбаку посреди бушующего моря отчаяния. Ухватилась крепко обеими руками, боясь отпустить. Боясь, что леску вырвет волной обратно, оставив её одну барахтаться среди пустоты одиночества, которое окружало их обеих последние годы.

— Хорошо... — повторила Ирина эхом. Словно пробуя слово на вкус.

Она встала, чтобы выйти из комнаты дочери; выйти из этого пространства, наполненного невысказанными словами и тяжёлыми взглядами; выйти из тишины.

И уже в дверях услышала тихое, почти неслышимое:

— Мам... Там правда тепло?

Ирина обернулась. Ксения смотрела в телефон — но уголок губ чуть дрогнул.

— Обещаю, — сказала Ирина. — Там будет очень тепло.

Глава вторая

— КСЕНИЯ

Ксения просыпалась в восемь — всегда после того, как мама уходила.

Не специально. Просто так получалось. Она лежала и сквозь сон слышала знакомые, почти родные звуки: шум воды в душе, шипение кофемашины, звяканье ключей. Потом хлопала входная дверь — и только тогда можно было окончательно проснуться. Как будто пока мама в квартире, нужно притворяться спящей. Как будто встретиться с ней утром — это слишком сложно, слишком энергозатратно, слишком похоже на сдачу экзамена по предмету, который ты ненавидишь.

Она и сама не понимала, почему так.

Просто так было проще.

Ксения вставала, шла на кухню, ставила чайник. На столе иногда оставалась мамина чашка — недомытая или стоящая на краю раковины. Один раз там лежала записка: «Купи хлеб, деньги на столе». Не «доброе утро», не «как ты?», не «я люблю тебя». Просто «хлеб» и «деньги». Она купила хлеб.

В школе её считали умной — она и была умной, без особых усилий. Это раздражало некоторых одноклассников, которые списывали у неё контрольные, и нравилось

учителям, которые путали умность с прилежностью. Настоящая её жизнь происходила не в школе.

Настоящая её жизнь — это Соня.

Соня была её лучшей подругой с шестого класса. Маленькая, круглолицая, бесконечно смешная — она умела делать так, чтобы любой плохой день становился просто днём, а не катастрофой. Они могли сидеть на подоконнике в Сониной комнате три часа и разговаривать ни о чём — о музыке (Соня обожала какой-то инди-рок, который Ксения не понимала), об одежде (у Сони был талант находить винтажные вещи на Авито), об учителях (как же они всех достали). Они могли говорить обо всём. Они могли говорить ни о чём. Главное было то, что они были вместе. Главное было то, что они понимали друг друга.

У Сони была живая семья. Папа, который шутил за ужином (иногда глупо, но всегда от души). Мама, которая лезла не в своё дело — но именно так, как лезут люди, которым важно. Младший брат, который раздражал всех и был любим всеми. Ксения ходила к ним в гости и чувствовала там что-то тёплое — не зависть даже (зависть — это слишком острое чувство), просто осознание того, что так бывает. Что так живут люди.

Домой возвращалась и слышала тишину.

Не плохую тишину — просто тишину. Мама работала допоздна. Или была на каком-то ужине с коллегами (Ксения представляла их себе: все в строгих костюмах, говорят о маржинальности). Или встречалась с Антоном (тогда ещё с Антоном), а потом он исчез, мама ничего не объяснила, просто однажды перестала упоминать его имя. Ксения не спрашивала.

Они вообще не очень умели спрашивать друг друга о главном. О мелком — да. «Ты поела?», «Как контрольная?», «Тебе нужны деньги на что-то?». Это умели. А о том, что внутри — нет. Как будто между ними был негласный договор: не трогать глубину, держаться на поверхности, где безопасно.

Выпускной был в июне.

Ксения знала заранее, что мама не придёт — не знала только, признается ли мама себе в этом или будет делать вид до последнего. Мама делала вид до последнего. Позвонила за час: «Клиент, совещание, прости». — Хорошо, мам, — сказала Ксения. И правда было хорошо

— в том смысле, что она не удивилась. Удивление требует ожиданий, а она давно перестала ожидать.

На выпускном она танцевала с Пашей Егоровым (он был выше её на полголовы), который нравился ей с девятого класса и который в этот вечер наконец это заметил (он сказал: «У тебя красивые глаза»). Потом они сидели на ступеньках школы и смотрели на ночной двор (фонари отражались в лужах) и говорили о чём-то лёгком и важном одновременно (он сказал: «Я буду поступать в Политех»). Это был хороший вечер.

Домой она вернулась в два ночи.

Мама не спала — сидела в гостиной с ноутбуком на коленях (экран светился синим светом в темноте). Подняла взгляд. — Как было? — Нормально. — Устала? — Немного. — Иди спать.

Ксения пошла спать. Легла в темноте своей комнаты и думала — не о Паше даже (хотя он ей улыбался), а о том, что мама не спрашивала про платье (синее, в пол). Не спрашивала, было ли весело. Не спрашивала про одноклассников (Смирнов напился и упал в клумбу), с которыми прощались навсегда.

Просто: «как было». «Нормально». «Иди спать».

Она лежала и думала, что это, наверное, и есть их жизнь. Что это их потолок общения: обмен информацией без эмоций. Что надо привыкать.

Она почти привыкла.

А потом мама купила путёвку в Турцию.

За неделю до вылета они поссорились.

Не по-настоящему — у них никогда не было настоящих ссор, с криком и хлопаньем дверей (Ксения даже не помнила, когда они кричали друг на друга в последний раз). Скорее — разошлись в разные стороны холоднее обычного.

Началось с ужина.

Ирина пришла домой в восемь — рано по своим меркам — и решила приготовить что-то нормальное (не доставку). Нашла в холодильнике курицу (замороженный брикет), начала что-то делать с ней на сковороде (масло зашипело слишком агрессивно), позвала Ксению. Ксения пришла через минуту или две (или через вечность), села за стол (на своё обычное место), посмотрела в телефон (экран подсвечивал её лицо холодным синим светом).

— Убери телефон за столом.

— Я слушаю музыку.

— Убери телефон, пожалуйста.

Ксения убрала его на колени (с тем особым движением плечом и шеей, которое означает: «убрала под давлением силы тяжести твоего авторитета»), но экран не погас

полностью (она просто перевернула его экраном вниз). Ирина это движение знала. Оно раздражало её до зубовного скрежета.

— Как школа? — спросила Ирина (хотя школа уже закончилась три дня назад).

Это был глупый вопрос от уставшего человека.

— Никак. Каникулы.

— Ты думала уже куда будешь поступать?

— Думала.

— И?

Ксения помолчала (долго), помешивая вилкой невидимую пыль на столе.

— Журналистика... наверное. Или что-то связанное с фотографией...

Ирина помешала в сковородке (слишком энергично). Курица начала подгорать по краям (запах палёного наполнил кухню).

— Фотография — это хобби.

— Почему?

— Потому что на фотографии не прожить.

— На журналистике тоже.

— На журналистике можно... если хорошо учиться.

Ксения взяла вилку (ту самую), повертела её в руках (между пальцами).

— Ты всегда так говоришь: «если хорошо учиться». Как будто всё решается учёбой...

— Многое решается...

— Не всё...

— Я не говорила: всё...

Помолчали (тяжело). Ирина сняла сковородку с огня (курица получилась нормальной — не вкусной/не плохой/просто нормальной). Как их разговоры. Поставила тарелки на стол (две).

— Мам...

— Что? (Ирина подняла взгляд от тарелки).

— Зачем мы едем в Турцию?

Ирина замерла на секунду (две).

— Что значит зачем? Отдохнуть... (Она сказала это слишком быстро).

Ксения смотрела на неё изучающе (как смотрит человек который ищет в словах второй слой/скрытый смысл/второе дно).

— Ты чувствуешь себя виноватой... За выпускной...

Ирина чуть помедлила с ответом (она всегда медлила когда нужно было сказать правду).

— Я хочу провести с тобой время... Разве этого мало? (Голос дрогнул на слове «времени»).

Ксения опустила взгляд на тарелку (на остывающую курицу).

— Нет... Просто... Я хочу понять: это для меня или для тебя?

Ирина не ответила сразу (честный ответ был: для обеих). Но как это сказать она не знала/не умела/боялась разрушить хрупкое перемирие которое возникло после покупки путёвки. (Вместо ответа она сказала):

— Поешь... Курица остывает...

Ксения поела молча (медленно/аккуратно). Потом убрала тарелку в раковину (звук воды заглушил тишину) сказала спокойно:

— Я еду... Просто хотела понять...

И ушла в свою комнату (хлопнув дверью чуть громче чем обычно).

Ирина осталась за столом одна. Смотрела на две тарелки на столе/на недоеденный хлеб/на телефон Ксении который дочь забыла взять/он лежал экраном вниз у края стола как мёртвая рыба выброшенная на берег этой их семейной жизни... Она могла бы встать сейчас/пройти эти пять шагов до двери/постучать/войти/сесть рядом на кровать/и сказать: да я чувствую себя виноватой... И не только за выпускной... За многое... Давай поговорим... Она могла бы... Вместо этого она убрала посуду/протёрла стол влажной тряпкой/(которая пахла химией)/легла с ноутбуком на диван в гостиной/(ноутбук был тяжёлым а глаза закрывались сами собой)...

В Турцию они полетели через неделю молча доехали до аэропорта молча сидели в зале ожидания Ксения слушала музыку в наушниках Ирина читала рабочие письма которые могли подождать но она читала их чтобы не смотреть на дочь чтобы не видеть как та сидит рядом такая взрослая такая чужая такая красивая... Где-то над Чёрным морем Ирина посмотрела на дочь та спала откинув голову на подголовник с наушниками в ушах лицо во сне спокойное молодое без того осторожного выражения которое она носила наяву... Красивая подумала Ирина совсем взрослая... И почти чужая... Это нужно исправить подумала она там на месте у нас будет десять дней...

* * *

Турция встретила их жарой и запахом соли.

Ирина стояла на балконе номера и смотрела на бухту. Вода была такого цвета, какого не бывает в Петербурге даже в самых смелых снах, — глубокий, почти неправдоподобный бирюзовый, который менялся с каждым часом: утром — зеленоватый, к полудню — синий, на закате — почти фиолетовый у горизонта. Внизу плескались волны, и этот звук — равномерный, мягкий, без спешки — был так непохож на городской шум, что Ирина просто стояла и слушала. Ни о чём не думала. Первый раз за очень долгое время.

Ксения вышла на балкон с кружкой чая, всё ещё в пижаме, с полусонным лицом. Встала рядом. Посмотрела на воду. — Ничего себе, — сказала она тихо. — Да, — согласилась Ирина.

Они помолчали. Но это молчание было другим — не то привычное, квартирное, наполненное усталостью и взаимными претензиями, а какое-то чистое. Море умеет делать паузы незаполненными без напряжения.

Первые три дня прошли осторожно — как переговоры двух сторон, которые давно не разговаривали и забыли, с чего начинать. Они загорали рядом, но не вместе. Ели за одним столом и обменивались репликами о еде, о погоде, о других туристах — безопасные, ни к чему не обязывающие слова. Ирина не торопила. Она научилась этому в работе: иногда нужно просто дать человеку время привыкнуть к тому, что рядом с ним хотят быть.

Отель назывался «Санрайз» и оправдывал название — номер смотрел на восток.

Море было внизу — бирюзовое, спокойное, с белой каймой прибоя у берега. На пляже ещё никого. Только чайки, и лежаки рядами, и где-то вдалеке рыбацкая лодка — маленькая, едва видная.

Ирина стояла и думала, что не видела моря, наверное, года три. Всё некогда. Всё что-то важное — контракты, совещания, квартальные отчёты. А море никуда не девалось, стояло себе и ждало, пока у неё найдётся время.

За спиной — Ксения спала.

Они прилетели поздно, заселились почти в полночь. Ксения разобрала чемодан молча — аккуратно, по-своему, раскладывая вещи в ящики. Ирина смотрела и думала: «Когда она стала такой аккуратной? Раньше вещи летели куда попало». — Завтра с утра на пляж? — спросила Ирина. — Можно, — сказала Ксения. Не с энтузиазмом, но и без сопротивления. Уже что-то.

Теперь Ирина стояла на балконе, пила кофе из кофемашины в номере — плохой кофе, слишком слабый — и думала, как начать. Не разговор конкретный, а вообще — как начать что-то новое внутри старого. Как стать ближе к человеку, которого знаешь семнадцать лет и почти не знаешь.

Ксения вышла в восемь — растрёпанная, в футболке и шортах, щурясь от света. — Кофе есть? — Плохой, но есть. Ксения сделала себе чашку (кофе она пила только с молоком и двумя ложками сахара), встала рядом на балконе. Смотрела на море. — Красиво, — сказала она. Просто, без интонации. — Да, — согласилась Ирина.

Они стояли рядом и молчали. Не тяжёлое молчание — просто молчание двух людей, которые смотрят на одно и то же и не знают ещё, одинаково ли они это видят.

На пляже было хорошо.

Ирина взяла лежаки под зонтом — Ксения попросила на солнце (она всегда мёрзла), Ирина уступила. Лежала рядом и чувствовала, как жара медленно вытягивает из неё что-то напряжённое, что жило между лопатками уже много лет.

Ксения читала — что-то в телефоне (ТикТок или Telegram-каналы), потом настоящую книгу (бумажную), которую вытащила из рюкзака. Ирина покосилась: незнакомое название («1984» Оруэлла), незнакомый автор. — Что читаешь? — Роман один. Соня посоветовала. — Про что? — Про женщину, которая уехала от всего и начала жить по-другому. — Хорошо пишет? — Очень.

Пауза. — Дашь потом? Ксения подняла взгляд — чуть удивлённо. Мама обычно читала деловые книги. Что-то про управление и эффективность. — Дам, — сказала она.

Это был маленький момент. Незначительный — книга, три слова. Но Ирина почувствовала что-то тёплое и хрупкое внутри себя (или это был просто ветер с моря), как первый лёд на Неве в ноябре: ещё нельзя стоять, но уже можно видеть его блеск.

В обед они пошли в ресторан при отеле. Ксения взяла греческий салат и что-то с морепродуктами (креветки пахли дымом), Ирина — рыбу (дорадо). Официант был молодой (лет двадцати), смешливый (смуглый до черноты), говорил по-русски с акцентом («Си-стра!») и называл их сёстрами — они засмеялись одновременно (это было неожиданно приятно), и это было первое искреннее проявление эмоций между ними за долгое время. — Сёстры! — повторила Ксения за официантом (когда он отошёл). — Это комплимент мне или оскорбление тебе? — Комплимент тебе! — сказала Ксения. И чуть улыбнулась. Не широко. Чуть-чуть. Но улыбнулась.

После обеда Ксения пошла в номер — хотела поспать («сиеста», как сказал бы официант). Ирина осталась у бассейна (вода была тёплой) со стаканом белого вина (которое оказалось неожиданно хорошим) и сидела в шезлонге (плетёном), слушала плеск воды и детский смех у горки.

Она думала: может быть всё не так сложно? Может быть просто нужно было место? Где нет работы и расписания? Где можно сидеть и ничего не делать и не чувствовать за это вины? Может быть за десять дней они успеют?

* * *

Глава третья

Отдых

Ночью Ксении написал Паша.

Они переписывались с выпускного — осторожно («Привет»), ни о чём («Как отдых?») и обо всём одновременно («У тебя хорошие фотки»), как переписываются люди которые оба чувствуют что-то, но не знают ещё можно ли это называть. Паша был из тех мальчиков, которые кажутся проще чем есть: молчаливый (в жизни), рыжеватый (волосы выгорели на солнце к концу мая), с привычкой смотреть чуть мимо собеседника когда думает или стесняется. На выпускном он сказал ей: «У тебя хорошие фотографии». Она тогда удивилась: он видел её страницу значит заходил туда специально? Это что-то значило? Теперь он писал из Петербурга где готовился к поступлению в Политех («Математика это жесть») и спрашивал как море. > Тёплое написала она. И синее. Очень синее

Завидую написал он.

Приезжай написала она и сразу почувствовала что написала лишнее. Удалить нельзя он уже прочитал

Далеко, написал он. Потом смайлик. Потом Расскажи потом как там

Она лежала в темноте их номера, шторы были плотно задёрнуты кондиционер тихо гудел, создавая белый шум который помогал уснуть, но сон не шёл. Она лежала и думала о нём. Не сильно, просто так как думают о чём-то приятном и неопределённом. Он нравился ей своей тишиной, тем что не заполнял пространство словами. Таких людей она понимала. Она сама была такой же внутри

Утром мама предложила поехать на рынок — в старый город посмотреть. Ксения согласилась. Почему нет она любила рынки, любила запахи специй и кожи, любила как там всё лежит вместе без системы, без логики, просто жизнь кипит.

Они взяли такси маленькое, жаркое, с качающейся игрушкой на зеркале. Водитель говорил без остановки по-турецки в телефон. За окном мелькал город не курортная часть, настоящая. Узкие улицы, бельё на верёвках, кошки на подоконниках.

— Смотри, сказала Ксения. Кошки везде

— В Стамбуле их вообще тысячи говорят.

— Мы не в Стамбуле.

— И здесь, видишь.

Ксения достала телефон не потому что привычка а потому что хотела сфотографировать. Кошка на подоконнике рыжая с одним ухом смотрит с достоинством человека, которому всё равно кто там едет мимо.

— Хороший кадр? спросила мама.

— Посмотри.

Ирина взяла телефон. Посмотрела. Кошка получилась хорошо крупным планом, улица размыта за ней свет правильный.

— Ты умеешь, сказала Ирина. Просто без преувеличения.

Ксения взяла телефон обратно

— Просто повезло со светом.

— Нет, сказала Ирина. Умеешь. Я вижу разницу когда везёт и когда умеют.

Ксения не ответила. Смотрела в окно. Но что-то чуть изменилось внутри, незаметно. Как меняется давление перед дождём не видно, но чувствуется.

На рынке мама купила специи, долго нюхала, спрашивала у продавца по-английски, тот отвечал с удовольствием явно обрадованный человеком, который интересуется по-настоящему. Ксения ходила рядом фотографировала прилавки, руки продавца, стеклянные банки с чем-то красным и жёлтым. Потом мама купила два браслета простые кожаные с бирюзовой бусиной. Протянула один Ксении.

— Зачем? спросила та

— Просто. Понравились

Ксения взяла. Надела на запястье. Браслет был чуть велик, болтался.

— Мой такой же, сказала мама, — Близнецы.

Это была попытка, неловкая, прямолинейная, очень мамина. Ксения это видела. И именно поэтому, потому что видела как мама старается, не стала говорить что браслет велик.

— Близнецы повторила она

Мама улыбнулась. На обратном пути они зашли в кафе, маленькое с пластиковыми стульями и видом на море. Пили чай из маленьких стеклянных стаканов. Мама рассказывала что-то про коллегу, смешную историю про совещание, которое пошло не так. Ксения слушала и смеялась не из вежливости а потому что и правда было смешно. Мама умела рассказывать. Ксения забыла об этом Или просто давно не слышала. Они вернулись в отель уже к закату. Небо над морем было оранжевым с лиловым по краям. Ксения остановилась на набережной достала телефон. — Подожди, сказала она маме. Мама подождала, стояла рядом смотрела на небо вместе с ней. Потом Ксения сфотографировала и небо и маму боком, задумчивую, с ветром в волосах. Мама не заметила. Этот снимок Ксения потом будет доставать долго, уже дома, уже в Петербурге, уже после всего. Доставать и смотреть мамин профиль, оранжевое небо, море за ней. Последний хороший вечер...

На четвёртый день Ксения неожиданно засмеялась за завтраком — громко, по-настоящему. Ирина не сразу поняла причину. Оказывается, официант перепутал их заказы и принёс ей, Ирине, детский молочный коктейль с трубочкой и бумажным зонтиком. Ирина не стала возвращать заказ. С абсолютно серьёзным, даже каменным лицом она взяла высокий стакан, увенчанный бумажным ананасом, и выпила его до дна под изумлённым взглядом дочери. Ксения смеялась так, что на неё начали оглядываться за соседними столиками. В этом смехе не было ни капли злобы или иронии — только чистая, звенящая радость. Ирина смотрела на дочь и думала: *«Вот она. Вот та девочка, которая куда-то пряталась все эти годы»*.

После этого что-то сдвинулось. Лёд тронулся не с грохотом, а с тихим, едва слышным хрустом.

Они начали разговаривать. Не о важном — сначала о пустяках: какая рыба вкуснее (Ирина утверждала, что дорада, Ксения стояла за сибаса), стоит ли брать экскурсию в горы (Ксения была «за», Ирина опасалась жары), почему турецкий чай такой крепкий (оказалось, его заваривают в двухъярусном чайнике). Но Ирина знала: именно так и устроено сближение — через мелочи, через совместно съеденный обед, через смех над глупым коктейлем. Не через серьёзные разговоры, которые она репетировала в голове дома, стоя у окна с чашкой кофе.

Глава четвертая

Селим

На шестой день Ксения сама предложила взять тур на катере. — В отеле вывесили объявление, — сказала она, показывая телефон. На экране была фотография небольшого белого катера, синей воды и скал. Всё выглядело безмятежно и красиво. — Прогулка вдоль побережья, три часа, с остановкой для купания. Недорого.

Ирина посмотрела на фотографию. Катер казался надёжным. Вода — манящей. — Отличная идея, — сказала она.

Гида звали Селим.

Он подошёл к ним сам — за день до экскурсии, у стойки ресепшена, где Ирина уточняла время отправления. Высокий, смуглый, лет тридцати пяти, с той особой внешностью, которую принято называть средиземноморской: тёмные глаза с длинными ресницами, белозубая улыбка, ямочка на подбородке. Одет был аккуратно — светлая льняная рубашка, тёмные брюки, никакой пёстрой туристической символики. Он выглядел не как экскурсовод, а как местный житель, которому просто нравится помогать.

— Вы интересуетесь морской прогулкой? — спросил он по-русски. Чисто, почти без акцента, только чуть мягче обычного. — Я слышал, вы спрашивали.

Ирина слегка удивилась. — Вы говорите по-русски? — Немного. — Он улыбнулся с той долей скромности, которая выглядела искренней. — Я учился в Москве. Два года. Давно уже, но язык не забывается.

Ксения, до этого разглядывавшая буклеты на стойке, обернулась. Незнакомец перевёл на неё взгляд — мягкий, доброжелательный, абсолютно безопасный — и слегка кивнул, как взрослый, которому хорошо воспитали дочь и который умеет держаться с молодёжью на правильной дистанции.

— Я Селим, — сказал он Ирине. — Я сотрудничаю с отелем, помогаю гостям с экскурсиями. Та прогулка на катере, которую вы видели — я её и организую. Маршрут очень красивый, я знаю эти места с детства. Если хотите, могу рассказать подробнее.

Они проговорили минут двадцать. Он был именно таким собеседником, которых Ирина профессионально умела распознавать — не навязчивым, не торопливым, не перехваливающим свой товар. Он рассказывал о бухтах (скрытых от ветра), о рыбацких деревнях (где жизнь течёт так же медленно, как сто лет назад), о скале, которую местные называют «Спящий лев», потому что с воды она действительно похожа на лежащего хищника. Он упомянул, что его мать всю жизнь прожила в маленькой деревне на побережье и что он с детства умеет нырять без акваланга на приличную глубину. Всё это звучало естественно, без усилий — как разговор с человеком, которому просто есть что рассказать.

— А русских туристов у вас много? — спросила Ксения. Она уже не разглядывала буклеты — смотрела на Селима с тем живым интересом, который бывает у молодых людей, когда им встречается взрослый, умеющий разговаривать, а не вещать.

— Достаточно. Русские мне нравятся. Серьёзные люди. Умеют молчать и умеют смеяться — но только когда действительно смешно.

Ксения засмеялась. Ирина тоже улыбнулась.

Перед тем как уйти (у него была назначена ещё одна встреча), Селим оставил визитку — простую, белую, только имя и номер телефона — и сказал, что если у них возникнут вопросы (любые вопросы), можно писать в любое время. Добавил (и это прозвучало как привилегия),

что на прогулке будет небольшая группа, не больше двенадцати человек, так что будет по-настоящему спокойно.

Ирина смотрела ему вслед и думала: *«Хороший человек. Приятный. Повезло с гидом»*.
Она убрала визитку в карман шорт и не подумала о нём больше до следующего утра.

Глава пятая

Катер

Катер отходил в десять утра от небольшого причала в двадцати минутах езды от отеля. Селим встретил их на пирсе — всё та же льняная рубашка (теперь он был в очках-авиаторах), всё та же улыбка (чуть усталая после раннего подъёма). Он помог Ксении сойти по шаткому трапу (коротко придержав её за локоть ровно настолько, насколько нужно), проверил список (двенадцать имён), коротко переговорил с капитаном по-турецки.

Их было двенадцать: несколько немецких пар (молчаливых и сосредоточенных), молодой итальянец с огромным фотоаппаратом (похожим на базуку), пожилая

турецкая женщина с внуком (мальчик лет шести постоянно жевал кукурузу). Катер был небольшим (метров пятнадцать), чистым (палуба пахла солью и свежей краской), с натянутым тентом от солнца на корме.

— Сегодня ветер с севера! — бодро объявил Селим по-английски и по-русски отдельно для них двоих (Ирина и Ксения стояли рядом у борта). — Значит, вода будет особенно прозрачной! Вам повезло!

Ирина сидела на краю катера, на самом носу, подставив лицо ветру. Ксения устроилась рядом, ноги свесила за борт, волосы разлетались во все стороны. Она что-то снимала на телефон — море, скалы, чаек — и время от времени показывала матери экран. Ирина смотрела и кивала, и чувствовала что-то тёплое и острое одновременно — то самое чувство, у которого нет точного названия, когда понимаешь, что теряешь что-то важное прямо сейчас, в этот момент, и одновременно — находишь.

Селим держался чуть в стороне — профессионально ненавязчиво. Изредка подходил, указывал на берег, называл что-то по-турецки и тут же переводил. Он знал, когда говорить и когда молчать. Ирина поймала себя на мысли, что он хороший психолог — или очень хорошо притворяется им.

Эта мысль мелькнула и ушла.

Через час катер замедлил ход и вошёл в небольшую бухту, укрытую скалами с трёх сторон. Вода здесь была тёмно-синей и прозрачной до самого дна, словно гигантский аквариум, наполненный бирюзовой водой и стайками рыбок, которые были видны даже без маски. Капитан бросил якорь. Селим объявил остановку: «Тридцать минут, можно купаться!» — и снова улыбнулся.

Все начали прыгать в воду. Итальянец прыгнул солдатиком. Немцы аккуратно спускались по лесенке.

Ирина не сразу заметила второй катер.

Он появился из-за скалы медленно — тёмный, без опознавательных знаков, значительно крупнее их прогулочного судёнышка. Никто не обратил внимания. Мало ли? Рыбаки? Частная лодка? Ирина скользнула взглядом по тёмному борту и снова посмотрела на воду, где Ксения уже плыла к скале, оставляя за собой дорожку брызг, которые сверкали на солнце как бриллианты.

Потом всё произошло очень быстро.

Четверо мужчин перебрались на борт их катера — бесшумно, слаженно, как будто делали это не впервые. Двое сразу прошли на корму к капитану. Ирина увидела, как тот поднял руки — медленно, без слов. Третий мужчина встал у трапа. Четвёртый — молодой, с татуировкой на шее, в тёмной майке — оглядел пассажиров тем особым взглядом, которым смотрят не на людей, а на товар.

— Всем оставаться на месте! — сказал он по-английски. Без акцента. Спокойно, как инструктаж перед полётом. — Кто будет кричать — пожалеет.

Итальянец с фотоаппаратом что-то сказал — не крикнул, просто сказал растерянно — и получил удар прикладом по плечу. Упал. Больше никто не издал ни звука.

Ирина повернула голову — инстинктивно, ища Селима. Он стоял у борта, спиной к ней, и смотрел на приближающийся тёмный катёр. Не испуганно. Не растерянно. Спокойно. Так смотрят на то, чего давно ждали.

Он почувствовал её взгляд и обернулся.

В его глазах не было ни извинения, ни жестокости. Только пустота — ровная, профессиональная, как у человека, который давно перестал думать о том, что делает.

Ирина поняла всё.

— Ксюша! — позвала она. Тихо. Ровно. Без паники. — Плыви сюда.

Дочь обернулась, увидела что-то в её лице и поплыла обратно. Быстро.

Мужчина с татуировкой поймал Ирину взглядом — оценивающим, холодным — и что-то сказал Селиму по-испански. Тот ответил коротко, не глядя на неё.

Ирина почувствовала, как внутри что-то сжалось и застыло. Не страх — страх пришёл позже. Сначала было что-то похожее на ясность: мозг отключил всё лишнее и оставил только одно.

Ксения вцепилась в борт катера — мокрая, с побелевшими костяшками пальцев. Их взгляды встретились.

— Мама! — прошептала она.

— Я здесь! — сказала Ирина. — Я рядом!

Их отделили от остальных пассажиров почти сразу. Немцев, итальянца, пожилую турчанку с внуком — всех оставили на катере. Ирина поняла: их не трогали. Значит, выбирали. По каким-то своим критериям, с какой-то своей логикой, от которой хотелось зажмуриться и не думать.

Их двоих — её и Ксению — перевели на тёмный катер.

Глава шестая

Трюм

Темнота была абсолютной.

Не та темнота, которая бывает в комнате с закрытыми шторами — когда глаза привыкают и начинают различать контуры. Другая. Плотная, как ткань. Ксения лежала и не видела своей руки перед лицом. Качало. Сначала она думала, что это голова — после укола всё ещё кружилось, мысли приходили медленно, как сквозь вату. Потом поняла: нет, качает само пространство. Они на воде. Они в трюме. Они плывут куда-то.

Руки связаны за спиной пластиковой стяжкой, врежется в запястья. Она попробовала пошевелить — слишком туго.

— Мама! — сказала она в темноту. Тишина. — Мама!!! Возня. Стон. Потом голос — хриплый, незнакомый почти, такой бывает, когда человек приходит в себя после наркоза. — Здесь. Ксюша, я здесь. Она нашла маму на ощупь — ткнулась головой в её плечо, почувствовала тепло. Мама живая. Это было главным. — Ты как? — спросила Ирина. Голос был другим — тише, осторожнее, как будто она проверяла, работает ли он ещё. — Голову кружит? — У меня тоже, — сказала Ксения. — Это пройдёт, это от препарата. — Откуда ты знаешь? — Читала когда-то. — Паузы. — Руки? — Связаны. Пауза. — У меня тоже. Они лежали рядом в темноте, слушали. Трюм — деревянный, судя по звуку. Вода плещет совсем рядом, за стенкой. Двигатель гудел — ровно, монотонно. Запах солянки, рыбы, сырости. — Мам, — сказала Ксения. — Куда нас везут? Ирина не ответила сразу. Она смотрела на металлическую стену и думала быстро — расчётливо, почти без паники, удивляясь самой себе. Куда везут. Зачем. Что будет нужно сделать, чтобы остаться рядом с дочерью. — Всё будет хорошо, — сказала она. Это была ложь. Они обе это знали. Но Ксения крепче сжала её руку — и Ирина поняла: сейчас именно эта ложь была нужна. Не правда. Не паника. Только — я рядом, я не уйду, держись за меня!

Катер набрал ход. Где-то наверху хлопнула дверь. Лампа мигнула и погасла.

Ксения лежала, ощущая, как её тело колеблется в такт движению судна. Скрип деревянных досок под ногами отдавался гулким эхом, сливающимся с ритмичными ударами волн о корпус корабля. Запах солёной воды смешивался с острым ароматом гниющей рыбы и металла, источающим влагу и ржавчину.

— Мама... — прошептала Ксения, хватаясь за её ладонь. — Тебе больно?

Ирина не ответила сразу. Она лишь крепче сжала руку дочери, давая понять, что чувствует её присутствие. Затем, собравшись с силами, произнесла: — Держись, малышка. Мы справимся.

Вокруг них находились другие женщины. Некоторые тихо плакали, прижимаясь друг к другу, другие пытались сохранять спокойствие, но их дыхание выдавало страх.

Время тянулось мучительно медленно. Каждая минута превращалась в испытание терпения и воли. Ксения пыталась отвлечься, вспоминая недавние дни отпуска, проведённые с мамой на берегу моря. Те счастливые моменты, когда они гуляли по пляжу, наслаждаясь тёплым песком и ласкающими волнами, казались теперь такими далёкими и нереальными.

Темнота сгустилась вокруг, словно плотная ткань, окутывающая сознание. Ксения чувствовала, как корабль плавно покачивается на волнах, и этот ритм проникал в каждую клеточку её тела. Она лежала, прикованная к полу пластиковыми стяжками, ощущая их холодное прикосновение на запястьях. Рядом с ней, в нескольких метрах, слышались тихие всхлипывания и сдавленные стоны других женщин, захваченных в плен вместе с ними.

Одинокая лампочка, висящая на потолке, едва освещала пространство, создавая призрачное сияние, которое лишь усиливали тени угловатых металлических конструкций. Запах соленой воды смешивался с тяжелым ароматом ржавчины и плесени, проникающим сквозь щели деревянного пола. Время от времени доносились приглушенные удары волн о корпус судна, напоминая о том, что они находятся в открытом море, отрезанные от всего мира.

Среди общего мрака Ксения заметила фигуру молодой девушки, сидящую неподалёку. Девушка была одета в легкую юбку и топ, её волосы спутались от влажности воздуха. Она тихо плакала, прижимая к груди маленькую куклу, сделанную из ткани. Кукла была потерта, но девушка бережно гладила её, словно это был единственный источник утешения в этом кошмаре. Эта сцена вызвала у Ксении острый приступ жалости и страха. Она представила себя на месте этой несчастной девушки, вынужденной искать утешение в детской игрушке в столь ужасных обстоятельствах.

Вдруг раздался резкий звук открывающейся двери, и яркий луч фонарика прорезал тьму, ослепляя девушек. Мужчины в масках вошли в трюм, их тяжелые ботинки громко стучали по деревянному полу. Один из них приблизился к девушке с куклой, грубо схватил её и потащил к выходу. Девушка отчаянно сопротивлялась, но мужчина был в два раза крупнее её.

Ксения почувствовала, как ледяной ужас сковал её сердце. Она поняла, что их судьба зависит от решений этих людей, и никакие доводы или мольбы не смогут остановить их жестокость. Слезы навернулись на глаза, но она сдержала их, понимая, что слабость сейчас неуместна. Нужно собраться с силами и надеяться на спасение.

Вскоре мужчины ушли, захлопнув за собой дверь. Тьма вновь поглотила трюм, но теперь она казалась еще более глубокой и безнадежной.

— Мама! — Ксения перешла на шёпот

— Что?

— Куда нас везут?

Мама не ответила сразу.

— Не знаю, — сказала она наконец. — Пока не знаю.

Это было страшно — не слова, а то, как она их сказала. Спокойно. Как человек, который уже принял что-то и теперь думает, что делать дальше.

Глава седьмая

ДРУГИЕ

На третий день в трюм привели ещё двух девушек.

Ксения слышала их раньше, чем открылась дверь — много шагов, и среди них что-то тащили или кто-то шёл с трудом. Потом свет, и двое охранников, и между ними — две фигуры.

Одну бросили почти — она упала на колени и не сразу поднялась. Вторая вошла сама, с прямой спиной, с лицом каменным, смотрела перед собой.

Это была Лейла.

Ксения узнает это имя позже — когда они окажутся уже в другом месте и Лейла скажет его сама, тихо, почти нехотя. Сейчас она просто стояла у стены и смотрела в точку перед собой.

Вторая — та, которая упала — сидела на полу и плакала. Тихо, сдавленно, зажав рот рукой. Молодая совсем, наверное, ровесница Ксении. Светлые волосы, разбитое колено.

— Всё хорошо, — сказала Ирина. По-русски сначала, потом по-английски: — It's okay. We're here.

Девушка подняла взгляд. Не поняла, наверное — но интонация дошла. Она чуть успокоилась. Перестала зажимать рот.

— Тина, — сказала она. Своё имя, больше ничего.

— Ирина. Ксения. — Мама кивнула на них по очереди.

Лейла у стены не представилась. Просто смотрела.

Тина оказалась из Беларуси, из какого-то маленького города. Поехала в Турцию с подругой, подруга куда-то делась, она сама не понимала где и как. Рассказывала и всё время оглядывалась на дверь.

— Подруга, — повторяла она. — Где подруга?

Ирина не отвечала на это. Не потому что не хотела — потому что ответа не было, а врать было нельзя.

Тина плакала — и это тоже была сила, просто другая. Лейла не плакала — и это была другая. Мама не плакала и думала вслух — и это была третья.

А она сама? Она не знала ещё, какая у неё.

Ночью, когда Тина наконец уснула, а Лейла сидела с закрытыми глазами, Ксения прошептала маме:

— Мам. Их тоже продадут?

Мама долго молчала.

— Скорее всего, — сказала она наконец.

— И мы ничего не можем сделать?

Ирина смотрела на дочь. Долгая пауза.

— Пока — нет, — сказала она наконец. — Пока.

Ксения слышала это «пока» — и то, что в нём было. Не обещание. Но и не отказ от него.

— Ксюш, — сказала мама. — Слушай меня. Мы ничего не знаем — куда везут, кто эти люди, что они хотят. Пока не знаем. Но я хочу, чтобы ты запомнила одну вещь. — Какую? — Мы выберемся. Я не знаю как. Я не знаю когда. Но мы выберемся. Ксения лежала в темноте и слушала, как гудит двигатель. — Ты обещаешь? — спросила она — и сразу почувствовала, что это детский вопрос, что так спрашивают маленькие дети, а не семнадцатилетние. Мама помолчала секунду. — Обещаю, — сказала она. Ксения закрыла глаза. В темноте это было всё равно — открытые или закрытые. Но с закрытыми было чуть лучше. Двигатель гудел. Вода

плескалась. Они плыли куда-то — далеко, всё дальше от того пирса, от отеля, от рынка с кошками и браслетами, от всей той жизни, которая казалась обычной и которой уже не было.

Глава восьмая

Мексика

Мексика пахла иначе. Ксения не могла бы объяснить, как именно — просто иначе. Пыль, горячий асфальт, что-то сладкое и тяжёлое в воздухе, похожее на перезревшие фрукты. Даже жара здесь была другой — не морской, влажной и солёной, как в Турции, а сухой, давящей, как будто само небо опускалось на плечи. Их привезли ночью. Ксения плохо помнила переход с катера на что-то большее — грузовое судно, она поняла это по звуку двигателей и качке. Потом был самолёт — маленький, без иллюминаторов в той части, где их держали. Потом снова машина. Всё это время она держалась за руку матери и старалась не думать. Не думать оказалось невозможным, поэтому она просто держалась. Их поместили в комнату. Небольшую. Бетонные стены, окрашенные в грязно-белый цвет, который когда-то, наверное, был просто белым. Зарешённое окно под самым потолком — слишком высоко, чтобы в него смотреть, и слишком маленькое, чтобы сквозь него что-то было видно, кроме полоски неба. Две металлических кровати с тонкими матрасами. Бетонный пол. Запах сырости, хлорки и чего-то ещё — застоявшегося, несвежего, от чего першило в горле. В углу — пластиковый таз и ржавый кран. Никакого зеркала. Дверь — тяжёлая, железная. Засов снаружи. Ксения сидела на кровати и смотрела в эту дверь. Смотрела долго — как будто если смотреть достаточно долго, что-то изменится. Дверь не менялась. Время здесь существовало иначе. Дома — в той жизни, которая теперь казалась не просто далёкой, а почти ненастоящей, придуманной — время было разбито на куски: уроки, перемены, вечера с телефоном, ночи. Здесь оно было сплошным. Без швов. Полоска света в окне под потолком становилась шире — значит, день. Исчезала — значит, ночь. Между этим — ничего, за что можно зацепиться. Еду приносили дважды. Рис, лепёшки, иногда бобы в железной миске. Воду — в пластиковых бутылках, тёплую, со странным привкусом. Тот, кто приносил, не смотрел на них. Ставил на пол у двери и уходил. Засов лязгал — сухо, равнодушно. Этот звук Ксения слышала теперь даже когда его не было. За стеной иногда слышались голоса — мужские, на испанском. Иногда шаги. Один раз, в первую или вторую ночь — она уже не была уверена — где-то далеко, за несколькими стенами, кто-то кричал. Женский голос. Короткий крик, и потом — тишина, которая была хуже самого крика. Ксения в ту ночь не спала. Лежала на спине, смотрела в потолок и слушала собственное дыхание. На соседней кровати тоже не спали. Она слышала, как мать лежит — неподвижно, почти демонстративно неподвижно, так, как лежат люди, которые очень стараются казаться спящими. Они не разговаривали. Не потому что было нечего сказать. А потому что слов не было — не тех, обычных, которыми говорят о еде и погоде, и не тех, других, которые нужны сейчас. Те, другие, ещё не нашлись. Или обе боялись их найти. Охранников было двое, менялись через несколько часов.

Один — пожилой, с усами, ходил медленно и никогда не смотрел в их сторону дольше секунды. Второй — моложе, худой, с беспокойными руками, которые всё время что-то делали: теребили ремень, проверяли телефон, барабанили по стене. Он нервничал. Ксения не знала, хорошо это или плохо — нервный охранник. Ирина, она замечала, наблюдала за ними. Тихо, без очевидного интереса — но наблюдала. Ксения поймала это на второй день: мать смотрела на охранника с усами чуть дольше обычного, когда тот ставил еду. Не пристально — просто внимательно. Как смотрят на что-то, что может оказаться важным. Ксения не спросила, о чём она думает. Она вообще старалась не думать — в том смысле, что старалась не додумывать до конца. Начинала мысль и обрывала её в том месте, где становилось совсем темно. Зачем их сюда привезли — обрыв. Что будет дальше — обрыв. Знает ли кто-нибудь, где они — обрыв.

Но мысли не слушались. Они додумывались сами, пока она спала, и она просыпалась с ощущением, что внутри что-то сжато в кулак и не разжимается. На третий день — или четвёртый, она потеряла счёт — Ксения проснулась от звука и не сразу поняла, что это. Потом поняла. Мать сидела на кровати, лицом к стене, и плакала. Беззвучно — плечи чуть двигались, только и всего. Она не знала, что Ксения не спит. Или знала, но не могла больше держаться. Ксения смотрела в потолок и не шевелилась. Она не знала, что делать с этим. Всю жизнь мать была для неё кем-то, кто не нуждается — не нуждается в разговорах, в присутствии, в утешении. Человеком-функцией: деньги на столе, ужин в холодильнике, записка на холодильнике. Теперь эта женщина сидела в двух метрах от неё и плакала в стену, и Ксения вдруг остро, физически ощутила, как мало она о ней знает. Совсем мало. Почти ничего. Ирина перестала плакать так же тихо, как начала. Помолчала. Легла. Через какое-то время дыхание выровнялось. Ксения лежала и смотрела в темноту. За окном под потолком небо начало светлеть — медленно, почти неохотно. Полоска из чёрной стала тёмно-синей. Потом серой. День. Снова день. Который по счёту — она не знала. Ксения не спала. Мама тоже не спала. Они лежали рядом и оба делали вид, что спят. Потом мама тихо сказала: — Ксюша. Я буду говорить с ними. С охраной, с кем угодно. Буду объяснять, что я полезна, что меня не нужно от тебя отделять. Что бы я ни говорила — ты молчишь. Не возражаешь. Не объясняешь. Просто молчишь. — Почему? — Потому что не знаем ещё, кто здесь что понимает. Лишнее слово может дорого стоить. — А ты? Тебе не дорого обойдётся? Молчание. — Я взрослая, — сказала мама. — Это моя работа. — Это не работа. — Ксюша.

— Что? — Доверяй мне. Ксения закрыла глаза. Доверяй мне. Странно было слышать это здесь — в этой комнате, в этом месте. И странно было то, что она — доверяла. Несмотря на всё, несмотря на два года молчания и выпускной, который мама пропустила. Доверяла — потому что мама была здесь. Потому что не спряталась в себя, не закрылась. Потому что думала вслух и не врал. Утром пришёл охранник с едой — хлеб и что-то в миске. Поставил молча. Ушёл молча. Мама ела. Ксения ела. Смотрели на стену напротив. — Что будем делать? — спросила Ксения. — Смотреть, — сказала мама. — Слушать. Запоминать. — Зачем? — Потому что информация — это всё. Сколько охранников, когда меняются, куда ведут коридоры, где выход. Это можно узнать, даже сидя в этой комнате. Просто нужно слушать. Ксения посмотрела на маму. — Ты думала об этом раньше? До того, как всё случилось? — О чём? — О том, что делать, если попадёшь в такое. — Нет, — сказала мама. — Никто об этом не думает заранее. — Тогда откуда ты знаешь? Мама помолчала. — Я всю жизнь работаю с людьми, которые хотят от меня чего-то, — сказала она. — И всю жизнь ищу, что нужно им дать, чтобы получить то, что нужно мне. Это просто переговоры. Другой масштаб, но то же самое. Ксения смотрела на неё. — Это переговоры? — Пока — да. — А потом? — Потом посмотрим..

Глава девятая

Цена

Они пришли ночью. Ксения не сразу поняла, что происходит, — только что спала, и вдруг засов лязгнул не так, как обычно. Не равнодушно. Резко. Нетерпеливо. Она открыла глаза в темноту и не двинулась. Что-то внутри уже знало — ещё до того, как разум успел догнать. Что-то животное, старое, которое не рассуждает, а просто сжимается. Шаги за дверью были другими. Не те шаркающие, привычные — с едой и молчанием. Эти были тяжёлые, с паузами, как будто люди за дверью не торопились, потому что знали: никуда не денешься. Потом — голоса. Низкие, с смешком. Слов Ксения не разобрала, но интонацию поняла сразу. Такую интонацию она слышала раньше — на улице, поздно, когда шла одна и старалась не оглядываться. Засов лязгнул снова — и дверь распахнулась.

В проёме стояли двое. Не те, что приносили еду. Других она раньше не видела — один широкоплечий, с короткой шеей и тёмными влажными глазами, второй помоложе, жилистый, с запахом алкоголя, который чувствовался даже с расстояния. Оба навеселе — не пьяные, хуже. Расслабленные. Уверенные. Фонарь в руке широкоплечего ударил по глазам. Ксения зажмурилась — рефлекторно, как от удара — и в эту секунду, пока она была слепой, услышала, как скрипнула кровать матери. Ирина тоже проснулась. Или не спала. Широкоплечий посветил фонарём — сначала на Ирину, потом задержал луч на Ксении. Медленно. Изучающе. Как будто выбирал в магазине, никуда не спеша. Сказал что-то жилистому по-испански. Тот засмеялся. Ксения не понимала языка. Но она поняла. Она поняла — и внутри всё стало белым и пустым, как выжженное поле. Жилистый сделал шаг вперёд. Один. Просто чтобы посмотреть, что будет. Проверял. Ксения не пошевелилась — не потому что была спокойна, а потому что тело отказало, отключилось, как будто мозг уже не управлял им. Она сидела на кровати и смотрела на него и чувствовала, как что-то в груди сжимается так сильно, что почти не остаётся места дышать. Широкоплечий что-то сказал — коротко, с ленивой интонацией человека, которому всё позволено, который это знает и давно перестал скрывать. Ирина встала с кровати раньше, чем они сделали следующий шаг. Встала — и оказалась между ними и дочерью. Она была готова на всё ради дочери, абсолютно на всё. Даже если ей придётся пройти семь кругов ада. Не бросилась, не закричала. Просто встала. Спокойно, как встают между ребёнком и дорогой. — Подождите, — сказала она по-английски. Голос был ровным. Почти деловым. — Послушайте меня. Широкоплечий остановился — скорее от неожиданности, чем от желания слушать. Посветил фонарём ей в лицо. Она не отвела взгляд. — Она будет кричать, — сказала Ирина, кивнув в сторону Ксении. — Она молодая, она напугана, она будет сопротивляться и шуметь. Вы получите проблемы, а не удовольствие. Тишина. Жилистый перестал улыбаться — прислушивался. — Я опытнее, — продолжала Ирина. Голос не дрогнул. — И я не буду кричать. Возьмите меня. Я сделаю всё, что вы захотите. Широкоплечий медленно повернул голову к жилистому. Что-то сказал — тихо, с интонацией вопроса. Ксения смотрела на спину матери — на прямые плечи, на сцепленные внизу руки, в которых было заметно напряжение, если знать, куда смотреть — и не могла сказать ни слова. Не могла пошевелиться. Что-то происходило с ней изнутри — что-то большое и страшное, чему не было названия, что ломало что-то прямо сейчас, в эту секунду, безвозвратно. Широкоплечий снова посветил на Ксению. Потом на Ирину. Что-то взвешивал. — Мама, — прошептала Ксения. — Нет. Мама, не надо. Ирина не обернулась. — Тихо, — сказала она — тихо, только для неё. — Тихо. Ляг лицом к стене. И не оборачивайся. Слышишь меня? Не оборачивайся. — Мама — Ксюша. — В голосе был приказ. Твёрдый, без трещин. — Ляг. К стене. Сейчас.

Широкоплечий шагнул вперёд и взял Ирину за руку — грубо, как берут вещь. Она не вырвалась. Пошла. Дверь закрылась. Засов лязгнул. Ксения лежала лицом к стене. Она слышала свой собственный пульс — громко, почти оглушительно. Она зажала уши руками, но это не помогало, потому что звук шёл изнутри. Она не плакала. Она не могла плакать — что-то было стянуто слишком туго, не давало. Она лежала и смотрела в бетон в двадцати сантиметрах от своего лица и считала трещины в нём. Одна. Две. Три. Длинная, похожая на реку на карте. Ещё одна, короткая, упирается в угол. Она считала трещины и не думала. Или думала — но так глубоко, так далеко от поверхности, что это не было похоже на мысли. Это было похоже на что-то, что меняет форму, пока ты немотришь. Когда дверь снова открылась, она не пошевелилась. Услышала шаги. Тихие. Знакомые. Потом — звук, с которым человек опускается на кровать, когда у него нет больше сил стоять. Долгая тишина. — Всё, — сказала Ирина наконец. Голос был другим — тише, осторожнее, как будто она проверяла, работает ли он ещё. — Всё, Ксюш. Всё закончилось. Ксения не обернулась. Не потому что не хотела. А потому что боялась увидеть — и не знала, как быть с тем, что увидит. — Мам, — сказала она в стену. — Да. — Ты... ты в порядке? Пауза была короткой. Но Ксения услышала в ней всё. — Да, — сказала Ирина. Это снова была ложь. Они обе это знали. Но этой ночью другого не было. За окном под потолком не было ничего — ни звезды, ни света. Просто темнота, плотная и равнодушная. Ксения смотрела в стену и чувствовала, как что-то внутри неё перекладывается — медленно, необратимо, как тектонические плиты, — и то, что было раньше, больше не встанет на прежнее место. Она не знала ещё, как это называется. Она узнает позже.

Глава десятая

Ирина После

Она вернулась в комнату и медленно, будто боясь нарушить хрупкую тишину, опустилась на край кровати. Не легла — лечь сейчас было бы предательством, признанием слабости, которую она не могла себе позволить. Она сидела прямо, словно натянутая струна, и смотрела в стену напротив. Взгляд цеплялся за каждую мелочь, лишь бы не соскользнуть в ту бездну, что разверзлась за спиной. Стена была некрашеной — голый, серый бетон, испещрённый мелкими неровностями и

царапинами. Где-то на уровне глаз расплывалось уродливое пятно от сырости, похожее на выцветшую карту забытого мира.

Ирина заставила себя смотреть только на него. Это была её единственная опора, якорь в шторме.

Это помогало. Помогало не рассыпаться на части.

Ксения лежала лицом к стене — неподвижно, как каменное изваяние. Ирина не видела её лица, но знала, чувствовала каждой клеткой: дочь не спит. Она просто замерла, пытаясь спрятаться от реальности, от боли, которая была слишком велика для одного человека. Ирина слышала её дыхание — тихое, прерывистое, почти неслышное. Оно было единственным звуком в этой звенящей тишине, и этот звук резал по живому.

Ирина сидела и думала о пятне на стене. О том, что его очертания смутно напоминают Сардинию... нет, скорее Корсику. Она была там один раз, целую вечность назад. В другой жизни. До всего этого. Тогда она была другим человеком — лёгким, беспечным, с будущим, которое казалось бесконечным и солнечным.

Там было море.

Не просто вода, а густая, плотная синева, острая и прозрачная до самого дна. Белые скалы, отвесно уходящие в эту синь. И маленький ресторан у самой кромки воды, где деревянные столы были выкрашены облупившейся белой краской.

Она помнила этот ресторан так отчётливо, будто только что вышла из него.

Она заставляла себя думать о нём сейчас — с маниакальной сосредоточенностью, перебирая детали одну за другой, как бусины на чётках. Деревянные столы. Дешёвые бумажные салфетки в стакане. Официант — молодой парень с серьгой в ухе и ленивой улыбкой.

Запах.

Она почти ощутила его — густой аромат моря, смешанный с запахом жареного чеснока и сухого тимьяна. На мгновение он стал таким реальным, что перехватило дыхание.

Она резко оборвала мысль о запахе. Это было слишком близко к настоящему, слишком опасно.

Вернулась к столам. Деревянные, крашенные белым. Краска кое-где потрескалась и облупилась от солнца и соли. На одном из столов была длинная, глубокая царапина — кто-то провёл ножом от злости или от скуки.

Она думала об этой царапине.

Это был её метод спасения. Она открыла его для себя случайно, в тот самый миг, когда поняла: ещё секунда — и она сломается. Не просто заплачет, а рухнет внутрь себя, провалится в пустоту, из которой нет возврата. И тогда некому будет думать о Ксении. Некому будет искать выход. Некому будет стоять между дочерью и этой всепоглощающей темнотой.

Значит, нельзя ломаться.

Значит — царапина на белом столе. Голубая вода до горизонта. Белые скалы под палящим солнцем. Официант с серьгой.

Она сидела и помнила Корсику — отчаянно, упрямо вытесняя из памяти то, что произошло здесь всего полчаса назад.

Это работало.

Почти.

В какой-то момент — она не знала, прошла минута или час — тело предало её. Начала бить дрожь. Не от холода — в комнате было душно. Дрожь шла изнутри, сотрясая всё её существо помимо воли. Руки на коленях сжались в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони до боли. Боль была благословением — конкретной, понятной, своей. Она была якорем реальности.

Ксения не оборачивалась.

Ирина была благодарна ей за это молчание. «Хорошо», — думала она, стискивая зубы до скрипа. «Хорошо, что ты не видишь этого». Пусть думает, что мама держится. Пусть верит, что мама — скала, несокрушимая крепость. «Мама в порядке».

Она повторяла это как мантру. Мама сидит и смотрит на пятно на стене. Оно похоже на Корсику. Там был ресторан с деревянными столами и царапиной от ножа. Там было синее море и белые скалы. Там было другое всё.

Дрожь утихала медленно, нехотя, отступая волнами, как морской прилив. Ирина разжала онемевшие пальцы и посмотрела на свои руки. Обычные руки с коротко остриженными ногтями и едва заметной царапиной на костяшке. Её руки.

— Всё, — сказала она в темноту комнаты чужим голосом — тише обычного, но удивительно ровным. Она прислушалась к нему: ровный. Не дрожит. Хорошо. — Всё уже, Ксюш.

Ксения что-то спросила — голос был глухим, надломленным. Ирина ответила — спокойно, почти ласково.

Потом она легла — наконец-то смогла преодолеть это сопротивление собственного тела. Закрывает глаза.

За пятном на стене была Корсика. Синее море било в белые скалы. Огонь свечи в её руках был маленьким и ненадёжным, пламя дрожало от каждого порыва ветра реальности. Но он не гаснет.

Она держала этот образ в голове всю ночь, оберегая его ладонями своего сознания, как держат единственный источник света в крошечной тьме.

Глава одиннадцатая

То, что между нами

Утро пришло незаметно, словно вор, прокрадываясь в их тесную, пропитанную страхом комнату. Полоска света в окне под самым потолком медленно меняла цвет: из серой, как мокрый асфальт, она стала сначала молочной, а потом — почти золотой, словно кто-то разбавил темноту тёплым мёдом. Где-то далеко, в другом мире, за пределами этих стен, закричала птица. Один раз — резко, пронзительно — и тут же замолчала, будто сама испугалась собственного крика в этой мёртвой тишине.

Они обе не спали. Ксения знала это с абсолютной, пугающей уверенностью. Она не видела лица матери, лежавшей за её спиной, но чувствовала это по дыханию — слишком ровному, слишком контролируемому, чтобы быть сном. По той особой, звенящей неподвижности, которая бывает только у людей, отчаянно притворяющихся спящими, чтобы не встретиться с реальностью.

Ксения всё ещё лежала лицом к стене. Обернуться было выше её сил. Не потому, что она не хотела видеть мать. А потому, что она панически боялась того, что может увидеть в её глазах. И ещё больше боялась того, что мать увидит в её собственных.

— *Ксюш*, — голос Ирины прозвучал тихо, почти шёпотом, но в этой тишине он прозвучал оглушительно.

— *Да*, — отозвалась Ксения, не шевельнувшись.

— Ты не спишь.

— Нет.

Пауза, повисшая между ними, не была тяжёлой или давящей. Она была просто долгой. Как будто обе женщины задержались на краю обрыва, набирая в лёгкие воздух перед прыжком в ледяную воду.

— Я тоже не сплю, — сказала Ирина.

В любой другой день эти слова прозвучали бы как констатация факта, возможно, даже с оттенком иронии. Но сейчас Ксения даже не усмехнулась. Она просто лежала и смотрела на трещину в стене — длинную, извилистую, похожую на высохшее русло реки или шрам на теле мира.

— Мам.

— Да.

— Почему ты это сделала?

Вопрос сорвался с губ раньше, чем Ксения успела его обдумать. Он был глупым, она знала ответ. Знала его каждой клеткой своего тела. Но ей было жизненно необходимо услышать его вслух. Не додумать самой в тишине своего страха, не угадать по взгляду, а именно услышать произнесённым. Потому что есть вещи, которые должны быть названы по имени, чтобы они стали настоящими, чтобы обрели вес и плоть.

Ирина молчала достаточно долго. Так долго, что в груди у Ксении начал разрастаться холодный комок паники: *«Может, не ответит. Может, скажет — не надо об этом сейчас. Забудь. Спи»*.

— Потому что ты моя дочь, — наконец сказала Ирина.

Просто. Без пафоса, без надрыва или театрального героизма. Просто и сухо, как констатация закона природы. Как будто это был единственный возможный ответ на любой вопрос во вселенной.

Ксения почувствовала, как что-то горячее и давящее сжало горло. Она судорожно сглотнула, пытаясь протолкнуть этот комок.

— Я была к тебе несправедлива, — сказала она в стену.

— *Ксюш...*

— Нет, подожди. — Она перебила мать резко, почти грубо, но не обернулась. Так было легче говорить — в холодный бетон, в извилистую трещину-реку. Говорить стене было безопаснее. — Мне нужно это сказать. Правда нужно.

Тишина стала плотной, осязаемой. Ирина ждала.

— Я думала... я думала, что ты меня не любишь, — голос Ксении дрогнул, но она заставила себя продолжать. Слова полились потоком, освобождая её от груза невысказанного за годы. — Что я для тебя просто... пункт в расписании. Что у тебя есть работа, и Антон этот со своими вечными звонками, и встречи, и всё что угодно — только не я. Что я для тебя обуза, которую нужно иногда выгуливать на море для галочки. Не потому что ты хотела провести со мной время, а потому что так «надо». Хорошая мать должна возить дочь к морю.

Она замолчала на секунду, переводя дыхание. За стеной где-то в глубине коридора что-то скрипнуло — старое дерево или рассохшийся пол — и снова всё стихло.

— Я вела себя как последняя эгоистка, — продолжила она тише. — Я злилась на тебя за всё подряд: за то, что ты пропустила мой выпускной из-за сделки; за то, что тебя никогда нет дома; за то, что ты всегда опаздываешь и выглядишь такой уставшей... Я копила эти обиды, как скряга копит медяки. Я наказывала тебя молчанием — думала, ты заметишь и тебе станет важно. А ты... ты просто старалась выжить и дать мне всё самое лучшее. По-своему, так как умела. А я... я просто не хотела этого видеть.

Голос сорвался на последнем слове и предательски задрожал. Ксения до боли стиснула зубы, ненавидя себя за эту слабость.

— *Ксюш...* Обернись.

Это было сказано так мягко, так просяще, что тело Ксении само среагировало раньше разума. Она медленно повернулась на другой бок.

Мать лежала на своей узкой кровати — измученная бессонной ночью, с глубокими тенями под глазами и складкой у рта от усталости. Притворяться сильной уже не было сил, и маска безразличия спала с её лица. Но глаза... глаза смотрели прямо на дочь — внимательно, открыто и без малейшей жалости к себе.

— Ты не эгоистка, — сказала Ирина тихо-твёрдо. — Ты ребёнок, которому отчаянно не хватало матери рядом. Это разные вещи. И это моя вина. Только моя.

— Мам...

— Послушай меня. — Ирина приподнялась на локте и села на кровати. Её голос был полон горечи и какой-то запоздалой мудрости. — Я всегда умела зарабатывать деньги. Это был мой талант: решать задачи, договариваться с кем угодно, находить выход из любого лабиринта бумаг и цифр. Это у меня получалось блестяще. А вот просто быть рядом... просто быть... сидеть с тобой вечером и никуда не торопиться... вот этому я так и не научилась за все эти годы. Я думала глупо, по-идиотски думала, что если в холодильнике всегда есть еда и на банковском счёте лежат деньги на твоё обучение, то я хорошая мать.

Она горько усмехнулась сама себе.

— Это оказалось совсем не так.

Ксения смотрела на неё во все глаза. В её взгляде смешались вина, боль и что-то новое — робкое понимание.

— Я боялась... я боялась до ужаса, что ты меня не любишь по-настоящему, — прошептала она почти беззвучно. Так тихо, что слова едва долетели до Ирины через

узкий проход между кроватями. — Не как маму-начальницу или маму-надзирателя... А просто любишь меня как человека.

Ирина смотрела на дочь долго-долго, словно впитывая её образ после долгой разлуки. Потом она медленно встала со своей кровати и подошла к Ксении. Села рядом с ней на самый край матраса так близко, что их плечи соприкоснулись через тонкую ткань футболок.

Ксения не отодвинулась ни на миллиметр.

— Я тебя люблю, — сказала Ирина твёрдо и спокойно. В её голосе звучала гранитная уверенность человека, который наконец-то сказал правду самому себе после долгих лет лжи во спасение. — Я люблю тебя с того самого момента, как ты появилась на свет в этом душном родильном доме двадцать лет назад. И ни одного дня это чувство во мне не менялось и не ослабевало. Ни когда ты смотрела сквозь меня подростком-волчонком; ни когда ты неделями не отвечала на мои сообщения; ни даже когда ты сказала мне однажды...

Она запнулась на секунду.

— ...когда ты сказала мне однажды четырнадцатилетней девчонкой с горящими от злости глазами, что я «не такая мама», какую ты хотела бы иметь.

Ксения вздрогнула всем телом при этих словах. Она помнила тот день до мельчайших деталей: ссора из-за какой-то ерунды с джинсами или вечеринкой... И её собственные слова — ядовитые стрелы пубертата: *«Ты вообще меня не знаешь! Ты не такая мама!»*. Она помнила боль на лице матери в ту секунду.

— Я... я не имела этого в виду тогда... — прошептала она дрожащими губами.

— Я знала это уже тогда, — Ирина чуть заметно улыбнулась уголком губ — улыбкой человека, который давно простил обиду и забыл о ней навсегда. Просто тогда было очень больно слышать это от тебя.

Слёзы хлынули сами собой — горячие, очищающие слёзы облегчения и стыда одновременно. Ксения больше не пыталась их сдерживать или вытирать рукавом. Она просто позволила им течь по щекам.

Ирина тут же обняла её одной рукой за плечи и притянула к себе — так же крепко и надёжно, как тогда в трюме корабля во тьме чужой страны. Ксения уткнулась лицом ей в плечо и плакала навзрыд уже без стеснения и страха показаться слабой.

Здесь это было совсем не стыдно. Здесь это было правильно. Мать пахла не духами из дорогого магазина и не офисной бумагой с запахом кофе из автомата. Она пахла собой: усталостью, теплом живого тела и чем-то ещё — чем-то родным и безопасным из самого раннего детства.

— Мам... — всхлипнула Ксения ей в плечо.

— Да?

— Мы выберемся отсюда?

Ирина ответила не сразу. Ксения почувствовала через ткань футболки, как напряглись мышцы её руки на плече дочери — мать словно собирала всю свою волю в кулак перед ответом.

— Да, — сказала Ирина наконец твёрдо и уверенно так уверенно, что Ксения поверила ей сразу же всем сердцем впервые за последние сутки этот голос не звучал как ложь или пустое обещание чтобы успокоить ребёнка он звучал как клятва данное самой себе обещание выжить любой ценой ради этой девочки у неё под боком

Они просидели так долго может быть час а может быть целую вечность Полоска света в окне под потолком стала совсем яркой затопив комнату золотым сиянием нового дня Снаружи снова закричала птица другая или та же самая которая передумала молчать её крик теперь звучал уже не так одиноко

Потом Ксения медленно подняла голову вытерла мокрое лицо тыльной стороной ладони Её глаза были красными но взгляд стал другим более ясным более живым

— Расскажи мне что-нибудь попросила она тихо

Ирина удивилась чуть-чуть едва заметно вскинув брови

— Что именно?

— Что угодно пожала плечом Ксения Ты когда-нибудь боялась? Раньше До всего этого кошмара Когда-то давно

Ирина задумалась глядя куда-то поверх головы дочери словно перелистывая страницы своей памяти назад

— Боялась сказала она после долгой паузы Когда ты родилась Я держала тебя на руках в роддоме первый раз после того как тебя унесли помыть Ты была такая крошечная такая красная вся сморщенная но уже с характером И я смотрела на тебя лежащую у меня на руках под этой казённой лампой И думала Господи я понятия не имею что мне с тобой делать Совсем никакого плана никакого опыта Я была напугана до смерти

Ксения слушала затаив дыхание

— И что ты сделала? спросила она шепотом

Ирина посмотрела ей прямо в глаза с той самой гранитной решимостью которую Ксения знала всю свою жизнь

— Решила что разберусь по ходу дела Короткая пауза Я всегда так делаю

Ксения долго смотрела на неё изучая каждую черточку родного лица а потом медленно кивнула

— Я знаю сказала она

И впервые за много-много лет эти слова прозвучали не как обвинение или упрек а как простое признание факта принятие человека таким какой он есть со всеми его недостатками достоинствами страхами и любовью

В этот момент стена отчуждения между ними рухнула окончательно оставив только двоих живых испуганных но теперь уже вместе людей готовых встретить всё что принесёт им этот новый день

Глава двенадцатая

Пропущенный звонок

Совещание началось ровно в четыре, но по ощущениям Ирины оно началось гораздо раньше — в тот момент, когда она переступила порог офиса. Воздух в переговорной был плотным, кондиционированным и пах дорогим парфюмом и сдержанным напряжением. Она села во главе длинного стола из тёмного дерева, отполированного до зеркального блеска, и положила перед собой ежедневник в кожаной обложке. Телефон лёг рядом экраном вниз — безмолвный свидетель её жизни.

Дмитрий Олегович, директор по развитию, не заставил себя ждать. Он вошёл в комнату с энергией человека, который только что пробежал марафон и готов пробежать ещё один. Это был крупный мужчина с залысинами, которые он тщательно маскировал зачёсом, и голосом, который, казалось, был физически больше его самого. Голос заполнял всё пространство, отскакивал от панорамных окон и заставлял вибрировать стаканы с водой.

— Коллеги, — начал он, даже не присев, а уперевшись кулаками в стол, словно собирався произнести речь перед Сенатом. — Мы стоим на пороге катастрофы. Или величайшего триумфа. Зависит от того, как мы на это посмотрим.

Ирина подняла взгляд от блокнота. Она знала этот тон. Это был тон человека, который уже всё решил, но хочет, чтобы остальные думали, что они участвуют в процессе.

— Маркетинговая концепция для Приморского района — это катастрофа! — громыхал Дмитрий Олегович, размахивая лазерной указкой, как шпагой. — Мы пытаемся продать элитное жильё людям, которые хотят просто тишины! Где логика? Где стратегия? Ирина Сергеевна?

Ирина моргнула, возвращаясь в реальность из своих мыслей. Снаружи, за стеклянной стеной высотой в два этажа, июньский Петербург плавился в неожиданной жаре. Такой редкой для этого города, что люди на улице шли медленно, как сомнамбулы, словно не верили в реальность происходящего. В кабинете же царила вечная прохлада и вечная борьба амбиций.

— Я слушаю вас, Дмитрий Олегович, — сказала она ровным, профессиональным тоном. — Но мне нужны конкретные цифры по целевой аудитории. Не гипотезы. Не ощущения. Цифры. Прежде чем мы будем «пересматривать концепцию», как вы изволили выразиться, я хочу увидеть портрет нашего покупателя. Его доход, его возраст, его страхи. Иначе мы рискуем переупаковать продукт для покупателя, которого не существует.

Дмитрий Олегович на секунду сбился с ритма. Он не ожидал прямого отпора. Он ожидал кивка и записи в блокноте.

— Хорошо-хорошо, — он театрально вздохнул и сел наконец в кресло. — Цифры будут к утру.

Разговор потёк дальше, вязкий и бессмысленный, как смола. Ирина кивала, делала пометки, задавала уточняющие вопросы. Она была здесь — физически сидела на этом стуле, её рука выводила буквы в блокноте. Но часть её сознания была далеко.

Телефон лежал на столе экраном вниз.

Она перевернула его машинально — просто чтобы проверить время и убедиться, что совещание действительно затянулось. Экран вспыхнул на мгновение. Уведомление. Ксения.

Не сообщение. Звонок. Пропущенный. Три минуты назад.

Ирина посмотрела на экран на одну секунду дольше, чем позволяли приличия. В груди что-то кольнуло — тонко и тревожно. Ксения звонила редко. Она была из поколения мессенджеров: короткие сообщения, стикеры, голосовые без вступления. Звонок для неё был собы-

тием. Он означал либо что-то случилось (сломалась машина, отменили рейс), либо — и это Ирина всегда подсознательно считала главным — ей просто нужно было услышать голос.

Второе Ирина всегда немного недооценивала. Ей казалось это излишеством, сентиментальной слабостью. Она сама в семнадцать лет не звонила матери «просто так». У неё всегда был повод: деньги закончились, нужно забрать из химчистки, заболела кошка.

— *Ирина Сергеевна*, что думаете по концепции? Голос Дмитрия Олеговича вернул её в залитую солнцем переговорную.

Она подняла взгляд от телефона и аккуратно перевернула его обратно экраном вниз.

— Думаю, что нам нужны конкретные цифры по целевой аудитории... — начала она снова свою заученную фразу.

Совещание закончилось в половине седьмого.

Ирина вышла в коридор, чувствуя себя опустошённой. Офис гудел: кто-то бежал на встречу с клиентом, кто-то нёс стопку бумаг, пахло кофе из автомата и озоном от работающей техники. Она достала телефон и набрала Ксению. В трубке раздалась длинные гудки. Один, второй... десятый. Потом — механический голос автоответчика: «Абонент не отвечает или временно недоступен».

Она нажала отбой и написала сообщение: *«Прости, была на совещании. Всё в порядке?»*

Ответ пришёл через двадцать минут, когда она уже сидела в такси, застрявшем в пробке на Лиговском проспекте. Одно слово: *«Нормально»*.

Ирина смотрела на это слово на экране смартфона так, будто это был древний манускрипт с неразгаданным кодом. «Нормально» у Ксении могло означать что угодно: от «всё прекрасно» до «я тебя ненавижу». Это было универсальное слово-щит.

Она написала снова: *«Я буду дома около девяти. Поужинаем вместе?»*

Ответа не последовало.

* * *

Дома она застала пустую квартиру. Тишина здесь была другой — не офисной, деятельной, а глухой и ватной. На кухонном столе под пищевой плёнкой лежали нетронутые бутерброды с сыром и ветчиной — те самые, что она приготовила утром перед уходом.

Комната Ксении была закрыта.

Ирина постучала костяшками пальцев по гладкой поверхности двери. — *Ксюш?* Тишина. — *Я пришла.* Пауза. — *Ты дома?* — *Да.* Один слог. Сухой, как щелчок выключателя. Ирина постояла в коридоре ещё минуту. Она положила руку на дверную ручку — холодную металлическую скобу — и почувствовала желание повернуть её, войти, обнять дочь прямо сейчас.

Но она убрала руку. Не сегодня. Она устала после десятичасового рабочего дня и двух часов бессмысленных прений с Дмитрием Олеговичем. Ксения явно не хотела разговаривать — это было слышно по её односложному ответу. И завтра будет новый день. Завтра они поговорят за завтраком или по дороге куда-нибудь. Всё можно отложить на завтра.

Она разогрела себе ужин (не те бутерброды) и поела в одиночестве под бормотание телевизора.

Только поздно вечером, уже лёжа в постели с отчётом на планшете (цифры по Приморскому району действительно пришли к утру), она вдруг вспомнила. Пролистала календарь событий в телефоне — корпоративные встречи, дни рождения партнёров, визиты к врачу — и остановилась.

Сегодня был выпускной.

Она лежала и смотрела в потолок высокого потолка своей квартиры с дизайнерским ремонтом. Выпускной вечер дочери — последний школьный праздник, который бывает один раз в жизни — прошёл сегодня. Без неё.

Ксения пришла домой одна (или с друзьями), сняла нарядное платье (то самое, которое они выбирали три недели назад), в котором её никто из семьи так и не увидел (Антон был в командировке), смыла макияж и закрылась в комнате.

И позвонила маме в четыре часа дня. В самый разгар совещания Дмитрия Олеговича о «величайшем триумфе».

Ирина закрыла планшет резким движением руки. Экран погас.

Она не спала долго — лежала в темноте своей идеальной спальни и думала о том, что надо было снять трубку. Просто снять трубку. Выйти из переговорной на одну минуту под недоумевающий взгляд Дмитрия Олеговича («Коллеги! Мы же обсуждаем концепцию!»), нажать на зелёный значок и сказать дочери: «Привет! Я помню! Удачи тебе сегодня! Я тебя люблю». Это заняло бы две минуты максимум. Дмитрий Олегович подождал бы. Мир бы не рухнул. Маркетинговая концепция могла бы подождать до завтра.

Она не встала посреди ночи и не пошла к закрытой двери комнаты дочери (хотя желание было почти физическим). Потому что было почти полночь («Ксения уже спит»), потому что дочь явно дала понять, что хочет побыть одна («Да»), потому что они поговорят утром («Утром будет новый день»).

Утром Ксения ушла раньше, чем Ирина встала. На кухонном столе так и остались лежать нетронутые бутерброды под плёнкой — молчаливый упрёк вчерашнего дня.

* * *

Ирина лежала на жёсткой тюремной кровати в мексиканской жаре и смотрела в потолок над головой — такой же равнодушный и серый, как петербургский офисный небосклон за окном переговорной, только здесь он был бетонным и испещрён паутиной мелких трещин с жёлтым пятном сырости в углу.

Она думала об этом дне часто здесь, в плену, где думать было почти единственным доступным занятием помимо страха и ожидания.

Она думала: я не взяла трубку. Мне казалось тогда... там, в той жизни... что это мелочь. Совещание №402-бис по Приморскому району. Концепция Дмитрия Олеговича с его голосом-громкоговорителем. Важные цифры на экране проектора. А это был не звонок о сломавшейся машине или забытых ключах. Это был крик: *«Я хочу, чтобы ты была рядом»*. Просто рядом. Хотя бы голосом через тысячи километров офисных стен и деловых планов.

Ксения спала на соседней кровати — или делала вид. Дыхание было ровным, но слишком ровным для сна: вдох-выдох-вдох-выдох без той лёгкой аритмии или случайного вздоха спящего человека. Так дышат люди, которые очень стараются казаться спящими или мёртвыми.

Ирина смотрела на профиль дочери в полутьме тюремной камеры (луна сегодня была яркой). Скулы Ксении были острыми от усталости или голода (их кормили плохо), изгиб губ казался незнакомым — её собственные черты лица, только моложе лет на двадцать пять... нет-нет... всего на семнадцать лет назад... только без тех следов усталости и вечной спешки, которые оставляет взрослая жизнь и карьера директора департамента недвижимости.

Она думала: я куплю новое платье... Когда мы выберемся отсюда (она запрещала себе думать иначе) — я куплю тебе самое красивое платье во всём Петербурге. И мы пойдём куда-нибудь... куда ты захочешь... может быть даже туда же, где выпускной... но уже просто так... без галстуков и бальных нарядов... просто посидеть у воды... И я буду сидеть рядом с тобой часами... часами... никуда не торопясь... отключив телефон... выключив Дмитрия Олеговича из своей жизни навсегда... И если ты позвонишь... Я возьму трубку... В любое время... С любого совещания... Даже если это будет стоять мне карьера... Обещаю...

Слово растворилось в темноте мексиканской ночи незаданное никем кроме неё самой не услышанное никем кроме неё самой но она его запомнила так крепко как запоминают номера телефонов экстренных служб или дату собственного рождения

потому что это было важнее всего остального что было в её жизни до этого момента важнее всех концепций всех совещаний всех цифр по Приморскому району важнее голоса Дмитрия Олеговича способного заполнить любое пространство кроме того маленького пространства которое занимало сердце матери смотрящей на спящую дочь

Слово осталось висеть в воздухе между двумя кроватями как невидимая нить которая теперь связывала их крепче чем любые обьятия крепче любых слов написанных когда-либо раньше

Глава тринадцатая

Товар

Они слышали их раньше, чем увидели.

Голоса в коридоре просочились сквозь щель под тяжёлой дверью, как ядовитый газ. Сначала — неразборчивый гул, потом — отдельные слова, брошенные резко, как камни. Испанский. Язык, который здесь, в этих стенах, всегда означал одно: перемены. И никогда — к лучшему. Один голос говорил много и быстро, с той наглой, сытой торопливостью, с какой говорят люди, привыкшие, что их слушают. Остальные отвечали коротко, односложно, словно лаяли команды.

Затем — смех. Сытый, раскатистый, необременённый. Такой смех рождается в дорогих ресторанах и на кожаных сиденьях дорогих машин. Смех людей, которым не нужно ни о чём беспокоиться, потому что весь мир — их товар и их слуга. И сразу после — шаги. Неторопливые, уверенные, с эхом. Шаги людей, у которых есть всё время мира.

Ксения медленно подняла голову от смятой, влажной от пота подушки. В полумраке камеры её глаза казались огромными.

— Кто-то идёт.

— Слышу, — голос Ирины был ровным, почти бесцветным.

Она уже не лежала. Она уже сидела на краю своей койки, прямая, как струна. Спина не касалась стены. Руки лежали на коленях, сцепленные в замок так крепко, что побелели костяшки. Ксения за эти бесконечные дни научилась читать это выражение на лице матери — собранное, замкнутое, словно дверь, запёртая на все засовы изнутри. Лицо человека, который убрал всё живое и важное в самый глубокий подвал своей души, чтобы случайный взгляд или грубая рука не смогли до этого дотянуться.

Засов лязгнул.

Звук был оглушительным. Он разорвал тишину камеры, заставив обеих вздрогнуть. Дверь открылась — нешироко, но достаточно, чтобы в комнату хлынул другой воздух.

Воздух снаружи. Он пах дорогим одеколоном с нотами сандала и табака, пах дорогой кожей и чем-то ещё — неуловимым ароматом свободы и власти. После недель спёртой сырости, запаха плесени и немых тел этот запах был почти физически ощутим. Он ударил в нос, как пощёчина.

Их было трое.

Первый — тот, что говорил больше всех в коридоре — вошёл первым. Он был невысоким, плотным, но не толстым. Этакая кряжистая крепость. На нём был светлый льняной пиджак, который здесь, в этой бетонной дыре, выглядел дико и неуместно. Ему было лет пятьдесят, может, чуть больше. Аккуратная седина на висках, ухоженные руки с маникюром и золотые часы на запястье — массивные, кричащие о богатстве. Они стояли, наверное, больше, чем Ирина зарабатывала за год своей каторжной работы. Он вошёл без спешки, огляделся — не с любопытством туриста и не с брезгливостью хозяина свинарника. Он огляделся с привычной деловитостью оценщика в ломбарде или менеджера по закупкам на складе.

За ним тенью скользнули двое помоложе. Один из них даже не удосужился поднять глаз от экрана своего телефона — он листал ленту или играл во что-то с той же скучающей сосредоточенностью, с какой люди чистят зубы по утрам. Второй встал у двери, широко расставив ноги — просто охрана. Живой автомат. Его взгляд был направлен в никуда, сквозь стену.

Четвёртым вошёл кто-то из местных — тот самый смуглый и быстрый человек с бегающими глазами, которого они видели мельком раньше. Он что-то быстро сказал человеку в

пиджаке по-испански — короткую фразу-рапорт. Тот кивнул, не отрывая взгляда от двух женщин на койках.

И посмотрел на них.

Ксения потом долго не могла подобрать слов для этого взгляда. Он не был злым — злость была бы понятнее и даже честнее. Не был похотливым — это тоже было бы определённо, с этим можно было бы бороться внутри себя. Этот взгляд был хуже. Он был оценивающим. В самом холодном, самом бездушном смысле этого слова. Так смотрит фермер на стадо перед забоем. Так аукционист смотрит на антикварную вазу перед началом торгов. Так смотрят на вещь. На товар. На объект сделки.

Он подошёл ближе.

Расстояние между ними сократилось до нескольких шагов, и Ксения почувствовала, как внутри неё всё сжимается — медленно и мучительно, словно чья-то ледяная рука проникла ей в грудь и стиснула сердце в кулаке. Она смотрела прямо перед собой — в точку на стене чуть выше его плеча — и изо всех сил старалась не моргать. Она не знала почему это казалось важным — моргнуть сейчас было бы равносильно признанию поражения, проявлению страха перед хищником.

Мужчина что-то сказал своим низким голосом. Смуглый переводчик тут же затараторил ответ на плохом английском. Человек с телефоном наконец поднял взгляд от экрана — мельком, без всякого интереса скользнул по ним взглядом профессионала, оценивающего партию подержанных авто, и снова уткнулся в свой гаджет.

Ирина встала.

Она сделала это так спокойно и так естественно, что на секунду все присутствующие обернулись к ней. Она не сделала ничего угрожающего: не вскочила в гнев, не закричала. Она просто поднялась на ноги во весь рост и расправила плечи. И в этом простом движении было столько скрытой силы и достоинства, что человек в пиджаке чуть замедлил свой шаг и поднял бровь.

— Я старше, — сказала Ирина по-английски.

Её голос был ровным как стекло замерзшего озера зимой: без дрожи, без надрыва. Без единой эмоции на поверхности. — И опытнее. Если вас интересует качество работы... а не просто молодость тела... то смотрите на меня.

В камере повисла оглушительная тишина. Смуглый переводчик быстро перевёл её слова вполголоса. Человек в пиджаке выслушал переводчика, не отрывая холодного взгляда от лица Ирины. А потом его губы медленно растянулись в улыбке. Это не была тёплая улыбка или насмешка хищника над жертвой. Это была улыбка человека, которого неожиданно развлекли дерзостью товара на прилавке.

Он что-то коротко бросил переводчику через плечо.

— Он говорит... — произнёс тот по-английски с сильным акцентом, — ...что смелость... это тоже качество товара.

Ирина не ответила ни слова. Она просто смотрела на него прямо и спокойно — без вызова во взгляде (вызов можно сломить), но и без страха (страх можно почуять). Она смотрела так, как смотрят на неизбежное: прямо и честно.

Мужчина в пиджаке ещё раз окинул их обеих долгим взглядом профессионала: медленно сверху вниз, словно ставил невидимые галочки в мысленном списке характеристик товара «партия №7». Потом он потерял интерес так же быстро, как и нашёл его. Он повернулся к переводчику и заговорил снова — длинно и деловито уже о чём-то совершенно другом: о логистике или о цене на топливо.

Потом они ушли так же внезапно, как и появились.

Засов лязгнул снаружи с глухим стуком запираемого гроба.

Ксения долго не могла говорить.

Она сидела на краю кровати и смотрела в пол — на серый бетонный пол с извилистой трещиной у левой ножки кровати. Эту трещину она знала уже лучше узора на обоях в своей детской комнате дома. Она смотрела на неё сейчас невидящим взглядом, а

внутри была только пустота. Гулкая ватная пустота после оглушительного удара колокола прямо по голове. Это было даже не страхом (страх она уже пережила), не слезами (слёзы высохли). Это было похоже на оглушение после контузии: ты живёшь дышишь двигаешься но внутри только звон и пустота где раньше были мысли чувства надежды.

Ирина села рядом с ней на койку.

Она не обняла дочь не прижала к себе хотя Ксения инстинктивно ждала этого прикосновения ища защиты от ужаса который только что пережила вместе с ней мать которая видела всё это ещё страшнее яснее чётче мать которая приняла главный удар этого взгляда мать которая встала между хищником и добычей просто встав во весь рост мать которая назвала себя *«товаром»* чтобы спасти дочь от этой участи Ирина просто села рядом плечом к плечу положив свою руку рядом с рукой дочери но не касаясь её давая ей самой решить нужно ли это прикосновение сейчас И они молчали

— Он вернётся... — голос Ксении прозвучал хрипло это был даже не вопрос а просто констатация факта произнесённая вслух чтобы наполнить звенящую тишину комнаты хоть каким-то звуком кроме дыхания

— Может быть... — голос Ирины был тихим как шелест

— Ты это знаешь... ты знаешь что он вернётся...

Пауза была долгой наполненной дыханием двух женщин запахом сырости бетона и воспоминанием о дорогом одеколоне

— Знаю... — наконец сказала Ирина

Ксения медленно подняла голову от созерцания трещины в полу и посмотрела на мать В полутьме камеры лицо Ирины казалось старше чем когда-либо Не старым а именно весомым Как бывают весомее лица людей которые прожили целую жизнь за один час которые приняли решение которое нельзя отменить которые заглянули за край пропасти Которые знают цену всему

— Мам... — сказала Ксения тихо почти шёпотом боясь нарушить хрупкое равновесие этого момента боясь спугнуть то что происходило между ними сейчас страшнее чем визит людей снаружи страшнее чем сама смерть потому что это было живое настоящее страшное важное

— Что ты делаешь?... Каждый раз когда они приходят ты встаёшь между мной и ними Каждый раз Ты... ты специально делаешь себя мишенью Ты подставляешься...

Ирина не ответила сразу Она смотрела куда-то сквозь стену сквозь бетон сквозь тысячи километров прочь отсюда туда где нет засовов нет оценивающих взглядов нет слова *«товар»*

— Да... — сказала она наконец просто

— Но ты не можешь так бесконечно Ты не можешь быть щитом вечно Рано или поздно...

— Я знаю...

— Тогда зачем? Зачем ты это делаешь если знаешь что это бесполезно?

Ирина медленно повернула голову и посмотрела на дочь В её взгляде не было ни жалости ни горечи ни отчаяния Только бесконечная глубокая любовь которая была сильнее страха смерти сильнее боли сильнее всего что может придумать этот мир Она смотрела так долго внимательно как смотрят на самое дорогое сокровище которое нужно запомнить навсегда которое нужно унести с собой если придётся уходить навсегда

— Затем... — сказала она просто Слово упало между ними как камень брошенный в тихую воду от него пошли круги смысла которые были глубже чем океан

Ксения открыла рот чтобы спросить ещё но закрыла его Потому что больше нечего было спрашивать Потому что ответ *«затем»* был полным исчерпывающим Хотя он не объяснял

ничего логически он объяснял всё сущностно Потому что иногда *«затем»* это единственное возможное объяснение для того почему мать жертвует собой ради ребёнка Это *«затем»* стоит выше логики выше инстинкта самосохранения выше самой жизни Это *«затем»* это причина существования

Она снова опустила взгляд в пол пытаясь собрать осколки своего мира которые разлетелись после визита гостей

— Мам...

— Да...

— Я не хочу чтобы ты за меня платила такую цену...

Ирина молчала долго Просто сидела рядом давая дочери выговориться выплакаться если нужно но слёз больше не было была только эта страшная взрослая боль

— Я знаю... я знаю моя девочка...

— Но ты всё равно будешь Ты всё равно будешь делать это снова

Это был не вопрос Это была отчаянная мольба чтобы мать солгала чтобы сказала *«нет»* чтобы дала ей хоть какую-то надежду пусть даже ложную

Не вопрос

— Да... — голос Ирины был твёрдым как скала без тени сомнения без пафоса просто констатация факта как *«солнце встаёт на востоке»* или *«вода мокрая»*

Да я буду делать это снова Я буду стоять Я буду говорить *«смотрите на меня»* Я буду называть себя товаром Я буду платить эту цену снова и снова Потому что ты моя дочь Потому что я люблю тебя Потому что *«затем»*

За окном под потолком темнело Полоска неба из белой стала розовой потом серой потом совсем чёрной как бархат Они сидели плечом к плечу но теперь это молчание было уже другим Не то квартирное холодное молчание Петербурга где каждый жил в своей скорлупе Это молчание было общим Тёплым Как одеяло укрывшее двоих от ледяного ветра снаружи Оно было живым Оно дышало Оно держало их вместе когда весь мир хотел их разорвать

Снаружи снова лязгнул засов Кто-то проходил мимо по коридору не заходя к ним Они обе вздрогнули синхронно как одно существо Потом одновременно выдохнули напряжение немного отпустило

— Расскажи мне что-нибудь... — голос Ирины прозвучал вдруг мягко почти нежно Это было так неожиданно что Ксения удивилась Мать редко просила первой Мать обычно слушала или молчала или решала проблемы но сейчас она просила рассказать историю Просила отвлечь её Отвлечь их обеих от того что только что произошло Отвлечь от того что ждало впереди

— Что?.. — Ксения растерялась

— Что угодно Про школу Про подруг Про что-нибудь хорошее Про то время когда мир ещё был нормальным Когда слово *«товар»* означало только вещи а не людей

Ксения подумала собирая обрывки воспоминаний из той другой жизни которая теперь казалась сном приснившимся кому-то другому

— У нас была училка по литературе... Валентина Петровна... Маленькая совсем седая всегда в одном и том же синем пиджаке который ей был немного велик Все её терпеть не могли Она задавала много читала нотации ругалась если кто-то приходил неподготовленным А я любила... Она однажды сказала мне после сочинения что у меня хорошее чутьё на текст Что я умею видеть между строк Я потом весь день ходила по школе как будто у меня выросли крылья Я никому об этом не сказала даже маме но весь день внутри меня светило маленькое солнце...

Она замолчала вспомнив то чувство чистого незамутнённого счастья которое казалось теперь таким нереальным таким далёким как другая галактика

— Ты мне не рассказывала...

Это прозвучало не как упрёк Не как обвинение Просто как факт Ирина приняла его именно так Как простую констатацию факта из другой жизни

— Расскажи ещё... Пожалуйста...

И Ксения рассказывала Тихо почти шёпотом чтобы звук её голоса заполнил камеру вытеснил оттуда запах страха и сырости Рассказывала про Валентину Петровну про подругу Машу которая панически боялась собак но при этом держала дома трёх наглых кошек про то как они всем классом ездили на экскурсию в Псков зимой заблудились в старом монастыре бродили там два часа держась за руки чтобы не потеряться а потом когда нашли выход смеялись до слёз пили горячий чай из термоса и снег казался им самым красивым что есть на свете Маленькие истории Ничего важного для большого мира Но здесь в этой бетонной коробке эти истории были бесценны Они были жизнью Они были доказательством того что жизнь всё ещё существует где-то там за стенами

Ирина слушала Она слушала так как умеют слушать только матери впитывая каждое слово запоминая интонации запоминая детали которых никогда раньше не знала Она слушала историю о маленькой победе своей дочери над скучной школьной программой о её тайной радости о её дружбе И каждая эта история была для неё сейчас дороже золота потому что это были кусочки души её ребёнка которые она могла сохранить у себя внутри когда вокруг рушился весь мир

За окном была ночь Где-то далеко-далеко существовал другой мир В том мире были выпускные вечера синие пиджаки учительниц старые монастыри где можно заблудиться друзья горячий чай из термоса В том мире слово «мама» означало безопасность а слово «дом» означало тепло В том мире люди смеялись над глупостями а не дрожали от звука шагов за дверью Они говорили говорили пока у Ксении не кончились истории Пока голос не стал хриплым Пока веки не отяжелели от усталости Но они всё равно сидели рядом плечо к плечу две женщины связанные невидимой нитью крепче стали держась друг за друга посреди рушащегося мира держа над головой маленький огонёк своей общей памяти защищая его ладонями от ветра реальности И этот огонёк хоть и дрожал но упорно отказывался гаснуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.